

МИХАИЛ СЕРЕГИН

СПЕЦНАЗ
МЧС *Спассти и
выжить!*

ВТОРЖЕНИЕ

МЧС

Михаил Серегин

Вторжение

«Научная книга»

2008

Серегин М. Г.

Вторжение / М. Г. Серегин — «Научная книга», 2008 — (МЧС)

Умные люди стараются обходить это место стороной, потому как случается там чертовщина: то НЛО пролетит, то деревья сами по себе возгорятся, или вообще пропадешь без вести, свят, свят, свят! Да вот нашелся один смельчак, специалист по паранормальным явлениям, профессор Хамлясов, и повел туда группу ученых. И канула экспедиция, как сквозь землю провалилась. Тут уж не до научных исследований, и в Черную Топь отправляются четверо спасателей с собакой. Этим парням плевать на загадки природы и проделки потусторонних сил. Они идут в аномальную зону с одной целью – спасти людей, и никакая чертовщина не станет для них преградой. Но действительность оказывается страшнее леденящих душу легенд. Лучше б экспедицию похитили инопланетяне – легче было бы ее вызволить... Издавалась также под названием «Аномальная зона».

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	20
Глава 4	27
Глава 5	34
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Михаил Серегин

Вторжение

Глава 1

Пятилетний юбилей службы МЧС в Желтогорске праздновали с большой помпой. Для торжеств был снят городской театр, на юбилейном собрании присутствовала масса гостей, в том числе и из столицы. Были зачитаны приветственные телеграммы от министра, произнесены многочисленные речи и слова напутствия от местного начальства, а в самом конце состоялось чествование лучших сотрудников и вручение наград отличившимся – почетных грамот и денежных премий в белоснежных конвертах. Видимо, отличившихся было очень много, поэтому суммы не слишком поражали воображение. Когда торжественная часть закончилась, спасатели вышли в фойе покурить и обсудить щедрость руководства. Держались по привычке группами. Возле окна беседовали четверо мужчин, знакомых между собой много лет и понимающих друг друга с полуслова.

– Сегодня Косицин явно в ударе, – желчно заметил Грачев, высокий, жилистый, с большим носом. – Подумать только – всей группе по триста рублей отвалить! Как говорится, хорошая прибавка к пенсии!

– Мне не дорог твой подарок – дорога твоя любовь, – хладнокровно отозвался плотный, уверенный в движениях Величко. – Некоторые ребята вообще, кроме грамот, ничего не получили. А Косицина тоже можно понять – у него бюджет.

– И все равно на тысячу хотя бы могли расщедриться, – заметил Грачев. – Юбилей небось не каждый день празднуем.

– А я лично недостающее на банкете доберу! – захохотал Ашот Мачколян, огромный, добродушного вида весельчак, который, кажется, был не способен огорчиться ни при каких обстоятельствах. – Вот где бюджет! Говорят, на угощение сегодня не поскупились.

– Еще бы, замминистра в гостях! – сказал Грачев. – Но дело ведь не в этом, а в том, что подумает жена, когда ты ей принесешь премию размером в триста рублей. Моя, например, решит, что по крайней мере половину я заначил.

– Вот она, неприглядная изнанка семейного счастья! – иронически усмехаясь, заметил Величко. – Хорошо, что мы с Максом не женаты и можем распоряжаться любыми суммами по своему усмотрению. Что ты, Макс, сделаешь со своей премией?

Андрей Максимов, называемый в кругу друзей Максом, широкоплечий красавец с густой шевелюрой, неодобрительно покачал головой.

– Сашка опять передергивает, – сказал он с легким недовольством. – Все отлично знают, что я ничего не имею против семейного счастья. Просто мне фатально не везет в этом плане. А Грачу и Ашоту я от всей души завидую.

– А ты не завидуй, дорогой! – назидательно сказал Мачколян. – Ты просто женись, и все.

– Он уже пять раз женился, – напомнил Грачев. – И всегда брал меня в свидетели. В ЗАГСе на меня уже смотрят как на соучастника.

– И все-таки, что каждый из вас думает делать с премией? – опять повторил Величко, расширив рамки своего опроса.

– Лично я куплю за две сотни красивую рамку и помещу в нее оставшуюся сторублику, – сказал Грачев. – Пусть висит на стене. А то жена все время говорит, что меня не ценят на работе.

– А у меня как раз кончились деньги на мобильнике, – сообщил Макс. – Так что для меня премия очень кстати. Буду звонить девушкам. И нечего идиотски ухмыляться! Вы знаете какой-то другой путь к семейному счастью?

– Может быть, тебе стоит попробовать позвонить одной девушке? – с невинным видом спросил Грачев. – Чтобы это действительно был путь, а не распутье.

– Разумеется, девушка будет одна, – солидно сказал Макс. – Это просто такой оборот речи, и ты, Грач, это отлично понимаешь! Нечего делать из меня сексуального маньяка!

– Ага, знаменательная оговорка, между прочим, – зловеще сказал Грачев. – Именно маньяк!

– Да бросьте вы! Оставьте Макса в покое! Мы говорим о премии. Я, например, просто отдам ее своим женщинам, – засмеялся Ашот, у которого было две дочки. – Они лучше меня знают, куда тратить деньги.

– Женщины знают, как тратить большие деньги, – назидательно заметил Величко. – Эти гроши их не интересуют. Поэтому я предлагаю вот что...

Какое применение нашел премиальным деньгам Величко, узнать не удалось. По фойе вдруг прошло что-то вроде тревожного ветерка. Отдельные компании спасателей и приглашенных гостей, мирно беседующих между собою, одна за другой разворачивались навстречу движущейся через обширное помещение группе людей в выходных пиджаках и белоснежных рубашках. Их было человек шесть, но все взгляды были обращены на тех двоих, что шли впереди, – на осанистого улыбчивого заместителя министра и на невысокого, ничем не примечательного человека в сером костюме, который даже сейчас сидел на нем не по-праздничному мешковато. Это был начальник Управления МЧС Желтогорска Михаил Илларионович Косицин. Он двигался напрямик в сторону группы Грачева, и лицо его при этом казалось необыкновенно озабоченным. Это было тем более странно, что еще совсем недавно, сидя в президентском бок о бок с замминистра, Михаил Илларионович был абсолютно спокоен.

Все четверо сразу обратили внимание на эту странность, но объяснили ее каждый по-своему.

– Кажется, Илларионыч к нам направляется! – усмехаясь, заметил Величко. – Не иначе услышал наши молитвы и решил добавить призовых! Из личного директорского фонда, как говорится.

– Ага, держи карман, – скептически отозвался Грачев. – Судя по его физиономии, он, скорее, сообразил, что передал нам лишнего. Сейчас подойдет и попросит по сто рублей назад.

– Двести рублей – тоже деньги, – добродушно сказал Мачколян. – И голову ломать не надо, что с ними делать.

– Рано зубоскалите, – мстительно заявил Макс. – Я бы, например, сейчас все триста отдал, лишь бы он прошел мимо. Потому что его физиономия совсем о другом говорит.

– О чем же? – поинтересовался Грачев.

– О том, что у нас с вами проблемы, – сказал Макс, но больше ничего объяснить не успел, потому что Косицин и замминистра уже были рядом.

Румяное лицо московского гостя и благожелательный взгляд, каким он окинул крепкие фигуры спасателей, могли ввести в заблуждение кого угодно, но только не Грачева – в глубине зрачков заместителя министра он увидел беспокойную искру. Нельзя было сказать, что этот человек по-настоящему встревожен, но некий душевный дискомфорт испытывал несомненно.

– Ну вот и они, – сдержанно, но с удовольствием сказал Косицин. – Железная бригада. Грачев, Величко, Максимов, Мачколян.

– Орлы! – приподнято провозгласил замминистра, но искра сомнения в его глазах никуда не исчезла.

– Если интересуетесь пернатыми, то вам бы лучше в зоопарк наведаться, – хмуро сказал Величко, который терпеть не мог, когда начальство раздавало подобные характеристики. – Мы, как и все прочие, от приматов произошли. От мартышек.

– Не груби, Величко! – сдвинул брови Косицин.

Он моментально заметил легкую растерянность на румянном лице замминистра и поспешил пресечь нежелательное развитие событий. С группой Грачева Косицин был знаком давно – ребята раньше служили под его началом на Кавказе – и знал, что при всех положительных качествах они были способны на самые непредсказуемые поступки. И, как это зачастую свойственно людям дела, к любому начальству они относились без соответствующего пиетета. К самому Косицину это не относилось – в том, что он справедлив, честен, а когда нужно, тверд как скала, его подчиненные могли убедиться не однажды. Косицин и сам не любил дутых авторитетов, но, по его мнению, замминистра вовсе не был обязан держать экзамен перед каждым спасателем.

Впрочем, и на ребят он не мог сейчас сильно напирать, так как, что ни говори, а он собирался испортить им праздник.

– Это он не грубит, Илларионыч! – разрешая ситуацию, усмехнулся Грачев. – Это он от скромности. Сам знаешь, как мы не привыкли, когда на нас обращают внимание. Стесняемся, как девушки, руки не знаем куда девать...

– Ну, рукам вашим я занятие найду быстро, – скороговоркой сказал Косицин. – Одним словом, разговор к вам есть серьезный, ребята!

– А я что сказал? – громко произнес Макс, с превосходством глядя на товарищей. – Я сразу сказал, что у нас будут проблемы.

– Ну, проблемы – это громко сказано, – попытался вмешаться сам замминистра. – Просто требуются ваш опыт, ваши молодые силы, ваш энтузиазм, черт побери! Да в вашем возрасте можно горы свернуть! Какие могут быть проблемы? Проблемы – это уже наш удел, так сказать... Расхлебывать кашу, которую заварили другие, нам, старикам, приходится. Вот многие считают – попал в начальники и как сыр в масле катается. А это в корне неверно – никто ведь не видит, какой груз ответственности ложится на плечи.

– Это верно, со стороны вроде никакого груза не заметно, – двусмысленно произнес Величко. – Это вы правильно сказали.

Косицин решительно взял его за локоть и потянул в сторону.

– Вы нас извините, – сказал он, обернувшись к замминистра. – Мы сейчас все обсудим, и я вернусь. Думаю, вам тут не дадут скучать.

– Но я могу надеяться, что меры будут приняты незамедлительно? – с тревогой спросил чиновник. – Мне нужно докладывать министру.

– Все будет в лучшем виде, – заверил его Косицин.

Он потащил Величко к выходу. Вслед за ними на широкое крыльцо театра вышли остальные члены группы. Теплый вечерний воздух был насыщен ароматами цветов, которые в изобилии росли на клумбах. Густую листву парка прорезали лучи заходящего солнца, тяжелые, как пластины червонного золота. За низкой чугунной оградой были видны прогуливающиеся по площади парочки.

– Черт тебя знает, Александр! – с чувством сказал Косицин. – Ты специально решил мне праздник испортить? Какая муха тебя укусила?

– А мы решили, что это ты нам решил праздник испортить, Илларионыч! – объяснил Грачев. – Вот и занервничали маленько.

– Решили они! – мрачно повторил Косицин. – Здесь я решаю! А вообще, да, праздник для вас закончился, ничего не попишешь. И несмотря на это, никто не давал вам права дерзить заместителю министра. Смерти моей захотели?

– Ни в коем разе, Илларионыч! – искренне воскликнул Макс. – Просто у нас аллергия на таких... на румяных.

– Человек не виноват, что зарумянился, – строго сказал Косицин. – У каждого своя особенность. Один румяный, другой бледный. Вот я с вами скоро совсем здоровье потеряю...

– Так что случилось, Илларионыч? – спросил Величко. – Нашел для нас горячую точку?

– Примерно, – кивнул Косицин. – Только я здесь ни при чем. И никто ни при чем. Так что обижаться вам не на кого. Наоборот, повод для гордости имеется. Мне сразу сказали – определи на это дело лучших.

– Спасибочки на добром слове, – вставил Грачев. – А можно конкретнее?

– История длинная. Знаете про Черную Топь?

Спасатели переглянулись. Грачев растерянно почесал щеку.

– Это где-то к западу области вроде? – неуверенно сказал он. – Что-то такое слышал – не припомню сейчас.

– А вот я помню! – обрадованно сказал Мачколян. – Сам в газете читал – уникальное место, таинственное. Явления там всякие происходят. Даже ученые туда приехали, чтобы на месте как следует разобраться.

– Ну вот и я говорю – какие-то чудики НЛО там видели, круги дурацкие, – вспомнил Грачев. – Очередная брехня. Я такими вещами не увлекаюсь.

– Придется увлечься, – строго сказал Косицин. – Потому что группа московских ученых, которая приехала на днях в Черную Топь, практически в полном составе пропала. По некоторым предположениям, заблудилась в лесу. Но существует мнение, что ученые могли стать жертвой неких паранормальных явлений. Последнее, разумеется, не афишируется, но в Москве к случившемуся отнеслись очень серьезно. Дело в том, что руководитель этой научной группы имеет обширные связи в самых разных слоях столичной элиты и его исчезновение взволновало очень многих. Самые умные догадались даже позвонить нашему с вами министру – требуют принять безотлагательные меры. Теперь понимаете, откуда ветер дует?

– Это мы понимаем, – ответил Величко. – Только при чем здесь мы? Пропали люди – пусть этим занимается милиция. И вообще, какое отношение мы имеем к паранормальным

явлениям? Я, например, в жизни не встречал ни одного зеленого человечка и даже не знаю, как себя вести, если вдруг встречу.

– Один совет могу дать, – сказал Косицин. – Ты постарайся ему не хамить, это самое надежное средство. А вообще, ваша задача не зеленых человечков искать, а настоящих, живых людей, ученых. Задача, кстати, не такая уж для вас необычная.

– Постой, Илларионыч! – нахмурился Величко. – Что-то я не совсем тебя понял. Откуда, во-первых, известно, что группа ученых пропала? Кто поднял тревогу? А, во-вторых, почему только нас четверых на это дело направляют? Леса в том районе обширные, сложные – что там могут четверо сделать? Здесь прежде всего воздушная разведка нужна...

– Ладно, даю некоторые разъяснения, – вздохнул Косицин. На лице его появилось выражение досады. – Вы, ребята, не обижайтесь, но бывают моменты, когда приходится делать вещи, которые делать не хочется. Не маленькие, сами это знаете. Сейчас именно такой момент. Тут вся закавыка в том, что пока никто официальной тревоги не поднимал. Группа находится в нашей области несколько дней, работать они собирались здесь месяц, как минимум, никаких тревожных сообщений от них не поступало. И даже люди, которые принимали их в Боровске – это городок около самой Черной Топи, – вроде не обеспокоены. Забеспокоились коллеги из Москвы, которые периодически звонили в Боровск. Узнали, что от путешественников третий день нет никаких сигналов, и ударили в набат. Это как снежный ком. Хотя вроде и причин нет – под Боровском вообще, говорят, связь неустойчивая. Зато в Москве она хоть куда. Дошло вот до нашего министра, и он, заметьте, не приказал, а порекомендовал нам вмешаться. Сегодня он сюда звонил лично. Теперь понимаете?

– Более-менее, – кивнул Грачев. – Случилось ли что-то на самом деле, или просто кому-то после плотного обеда примерещилось, но руководство на всякий случай решило подстраховаться. Большие силы задействовать нерационально – и причина незначительная, и в дураках можно оказаться, – а вот найти группу козлов отпущения...

– А вот это ты зря, – с упреком сказал Косицин. – Все-таки речь о людях идет.

– Я понимаю, – согласился Грачев. – Поэтому и не спорю. Только почему ты нас банкета хочешь лишить?

– Потому что вы немедленно выезжаете в Боровск, – отрезал Косицин. – Когда вернетесь, я вам отдельно банкет устрою – за свой счет. А сегодня вам ехать нужно, чтобы к утру на месте быть. Возьмете машину – я уже распорядился. Родным сообщите, чтобы не волновались, – и в путь. Завтра я уже должен отчитаться о первых результатах.

– Сам говоришь, что в Боровске связь не действует, – удивился Мачколян. – Как же мы оттуда докладывать будем?

– Сотовая не действует, – буркнул Косицин. – Провода, слава богу, никто еще не отменял.

– Ну приедем мы в этот Боровск, – сказал Величко. – Дальше-то что? Идти в лес, «ау» кричать?

– Спокойно, – сказал Косицин, доставая из кармана сложенный вдвое листок. – Вот тут у меня адрес – из Москвы продиктовали. Это семья, которая с пропавшими учеными контактировала. Они и прежде встречались. Какие-то общие интересы, что ли. Одним словом, о планах москвичей никто лучше этих людей не осведомлен. Поговорите с ними, осмотритесь, а дальше уже решать будем, что делать. Мне главное, чтобы вы завтра на месте были, и я бы с чистой совестью мог отрапортовать наверх.

– Отрапортовать можно и так, – заговорщицки улыбаясь, сказал Мачколян. – А мы бы свою долю на банкете отгуляли и поехали.

– Голова! – сказал Косицин. – Замминистра не слепой! А я не самоубийца. В общем, даю вам час времени на сборы. А завтра с утра жду вашего первого звонка.

– Ладно, тогда я заеду домой, попрощаюсь со своими женщинами, – вздохнул Мачколян.

– А я за Графом, – сказал Величко. – Встречаемся в управлении.

Графом звали самца немецкой овчарки, обученного находить людей в развалинах, с которым Величко практически не расставался. То, что он явился на торжественное собрание в одиночестве, многих по-настоящему удивило. Прошел даже слух, что кто-то из этих двоих серьезно заболел – то ли пес, то ли Величко. Для последнего такой поступок действительно был жертвой, но, трезво оценивая ситуацию, Величко решил, что общество еще не созрело для понимания простой истины, что собаки не менее достойные существа, нежели люди, и имеют все права на посещение театров и торжественных мероприятий. Другими словами, на конфликт с руководством он не решился.

А еще через час уже впятером они выехали из Желтогорска и около десяти часов вечера прибыли в небольшой городок Боровск, располагавшийся в пяти километрах от межобластной автомагистрали в окружении густых мрачных лесов. Впрочем, как выяснилось позднее, Боровск не был последним бастионом цивилизации на пути в Черную Топь. У самого леса притулилась деревня с классическим названием Сосновка, жители которой являлись основными хранителями сказаний о необыкновенных свойствах Черной Топи, но об этом спасатели узнали позднее. В самом же Боровске они не обнаружили ничего необыкновенного. Городок как городок – пятьдесят тысяч жителей, еще наполовину деревянный и плохо освещенный на окраинах, но изо всех сил старающийся поспеть за веком – на это указывала сверкающая неоновая реклама в центре города и удивительное изобилие иномарок на улицах.

Адрес, который дал спасателям Косицин, они разыскали без труда. Пятиэтажный типовой дом находился неподалеку от центра. Окружающий его двор подкупал обилием зелени и почти деревенской тишиной. Для провинции час был довольно поздний, но окна в доме еще светились – вероятно, жильцы досматривали свой любимый сериал.

На переговоры отправились Макс с Грачевым. Они поднялись на третий этаж и позвонили в дверь, обитую дерматином. Открыла им женщина лет тридцати – стройная, ладная, с короткой легкомысленной стрижкой, над которой как будто основательно поработал ветер, и смеющимися карими глазами. Хотя женщина была одета во все черное – на ней были обтягивающие расклешенные брюки и кофточка с длинным рукавом, – но впечатление она производила необыкновенно яркое, и у Грачева моментально испортилось настроение. Он не мог не заметить, как вспыхнули глаза у Макса и как тот заволновался, точно охотник, вышедший на одинокую лань.

«С Мачколяном надо было идти, – с досадой подумал Грачев. – Но кто же знал!»

А вслух он сказал суховатым и почти официальным тоном:

– Здравствуйте! Приносим свои извинения за позднее вторжение, но мы здесь не по своей воле. Разрешите представиться – служба МЧС Желтогорска. Моя фамилия – Грачев. Моего товарища – Максимов. Можем показать документы. С нами еще двое, но они в машине. А вы, надеюсь, Кузовкова Елена Тимофеевна?

– Она самая, – засмеялась женщина. – Только я не совсем понимаю, чем могла заинтересовать такую серьезную службу. У нас, кажется, все в порядке.

– А наша служба интересуется красивыми женщинами в первую очередь, – неожиданно заявил Макс, пожирая хозяйку глазами. – Потому что красивая женщина – это источник повышенной опасности. Мы должны быть настороже.

Кузовкова посмотрела на него с изумлением, однако в этом взгляде был и немалый интерес, и это очень не понравилось Грачеву.

– Мой товарищ, конечно, шутит, – буркнул он. – Чувство юмора у него чересчур развито. Не обращайтесь внимания.

– Ладно, постараюсь, – засмеялась хозяйка. – Однако что же мы тут стоим? Проходите, пожалуйста. Вы, наверное, есть хотите?

– Не беспокойтесь, – покачал головой Грачев. – Мы не голодны. Только что, можно сказать, с банкета. Просто нам хотелось бы выяснить некоторые вопросы.

Кузовкова провела их в небольшую комнату, где стояли диван, телевизор и стеллажи с книгами. Книг было море. Не умещавшиеся на стеллажах громоздились и на диване, и на телевизоре, валялись на полу и на подоконниках. На одном из глянцевых корешков Грачев заметил аббревиатуру «НЛЮ». На стене висели карты – мира, области, района и почему-то лунной поверхности.

– Вообще-то порядка у нас никогда не бывает, – засмеялась женщина. – Муж постоянно обуреваем идеями, а мне вечно некогда. Или просто лень, если честно...

– А где ваш муж? – спросил Грачев. – С ним мы тоже хотели бы поговорить.

– Он должен вот-вот вернуться, – объяснила Кузовкова. – Поехал на вокзал встречать московского гостя. У нас небольшой переполох, знаете ли. Тут еще раньше друзья из Москвы приехали – я их зову энтузиастами, чтобы муж не обижался. Он-то их учеными считает, но, думаю, учеными их можно назвать с некоторой натяжкой.

– Это почему же? – удивился Грачев, подступая к дивану и садясь на глобус. – О, извините!

– Не обращайтесь внимания – на него все садятся! – сказала Кузовкова, забирая у Грачева наглядное пособие. – У других на диванах кошки, а у нас глобус... А про этих ученых я вот что скажу – сейчас стало очень модно верить в НЛЮ, загробную жизнь, вещие сны и прочее. Явления, которые невозможно объяснить с позиций тривиальной науки! Ну раз невозможно так – значит, нужно придумать подходящую науку. Вот умные люди и придумали. Профессор Хамлясов, который сюда приезжает, основал некий институт паранормальных явлений. Он его даже международным величает. А по-моему, все это какое-то грандиозное надувательство. Хотя некоторые верят в эту чепуху искренне. К тому же кое-какие основания для этой веры в наших краях найти можно.

– Что вы имеете в виду?

– Ну, случаются тут всякие несуразности. – Кузовкова повела в воздухе рукой. – Часы отстают, машины иногда не заводятся, люди пропадают... Но всему этому наверняка можно найти разумное объяснение, я так считаю.

– А ваш муж, похоже, считает иначе? – догадался Грачев.

– Ага, – опять засмеялась хозяйка. – Я уж с ним не спорю. Пусть себе тешится. А то раньше у нас такие баталии разыгрывались на этой почве! Ну сами посудите, мы с ним по профессии педагоги. Школа у нас тут, кстати, прекрасная. Я музыку преподаю, а Станислав – географию. Кажется, должен грудью встать на защиту науки... Нет, НЛЮ ему подавай!

– А прилетают? – ухмыльнулся Макс. – НЛЮ?

Кузовкова пожалала плечами.

– Не видела ни разу, – со вздохом сказала она. – И никто из знакомых не видел, но каждый знает, по крайней мере, пяток очевидцев, которые видели. Ну, разумеется, видели! И главный аргумент – а зачем ему врать?

– Аргумент сильный, – согласился Грачев. – Но вернемся к этому... как вы его назвали? Хамлясов? Нас интересует, при каких обстоятельствах он пропал. Дело в том, что мы, собственно, направлены на поиски этого человека...

Кузовкова слегка приподняла брови, а потом развела руками.

– Так вот в чем дело! Ну конечно! Я должна была догадаться. Но у меня в голове не укладывается, откуда в Желтогорске узнали про эту историю... Ведь даже здесь практически никто не знает. Они приехали двадцать шестого июня со всем своим барахлом – кое-что оставили у нас, кое-что забрали с собой в гостиницу, а уже через день ушли в лес. Муж рвался пойти с ними, но был занят в школе. Отпуск у него должен был начаться первого июля. Но Хамлясов ждать не захотел. Они договорились, что будут созваниваться по мобильному и позже муж все-таки к ним присоединится...

– Простите, но мы слышали, что мобильная связь здесь не работает.

– Да, связь здесь неустойчивая, но у Хамлясова телефон, который действует через спутник. Однако прошло четыре дня, а он ни разу не позвонил. Муж запаниковал, и когда позвонили из Москвы, из этого самого «международного института» – Хамлясов, разумеется, оставил им наш номер, – то он так им и сказал: боюсь, не случилось ли чего. Насколько я понимаю, из этой мухи раздули слона. У Хамлясова большие связи в Москве. Но я-то уверена, что никуда они не пропали. Причина очень простая – Хамлясов не хочет, чтобы муж присоединился к его экспедиции. Он вообще себе на уме человек. Жаль, что Станислав этого не понимает...

Неожиданно в прихожей послышался шум, и хозяйка оборвала свою речь. Отчетливо было слышно, как шелкнул замок, затопали каблуки и озабоченный мужской голос сказал:

– Нет-нет, прошу вас, не разувайтесь!..

Лицо Кузовковой просияло. Она улыбнулась и тихо прошептала:

– Муж пришел! О том, что я вам тут наболтала, – ни слова, иначе я погибла!

Глава 2

А дней за десять до этого разговора по той же самой дороге ранним утром в городок Боровск въехал разболтанный, неопределенного цвета «Москвич» с глубокой вмятиной на багажнике. Но, прежде чем пересечь городскую границу, автомобиль остановился на дороге, на склоне холма, и его пассажиры один за другим, потягиваясь и разминаясь, вышли на обочину. Было их четверо, и, судя по всему, путь они проделали немалый.

Все они были еще довольно молоды, не старше тридцати лет, и чем-то неуловимо походили друг на друга, одинаково крепкие, широкоплечие, с жесткими недоверчивыми лицами. Впрочем, в одном из них с первого взгляда можно было угадать старшего хотя бы по тому, с каким почтением прислушивались к каждому его слову спутники. Светловолосый, коротко остриженный, он курил сигарету короткими затяжками, держа ее пальцами, сложенными в щепоть, – так курят под дождем или при сильном ветре. От его левого виска вниз по щеке тянулся грубый шрам, след какой-то серьезной старой драки. Серые глаза смотрели холодно и оценивающе, как у боксера, готового вот-вот выйти на ринг. Однако, разговаривая, он почти всегда улыбался и сыпал шуточками. Трудно было сказать, насколько весело ему было в такие минуты, но люди, которые его плохо знали, зачастую обманывались, принимая за рубаху-парня. Несмотря на абсолютно русскую внешность, прозвище у этого человека было с восточным колоритом – Али, но почему его так прозвали, не знали даже близкие друзья.

– Ну вот, братва, это и есть моя деревня! – сказал он, прищуренными глазами разглядывая с холма затянутые утренним туманом крыши городка. – Не скажу, что дом родной, но с этим крысятником мы с некоторых пор не совсем чужие.

– Да, местечко тухлое! – скептически заявил один из спутников Али, парень с густой, до плеч шевелюрой. – Сон разума!

– За что я люблю Студента, – объявил Али, с ухмылкой глядя на длинноволосого, – так это за его образованность. Ну кто еще так завернет, как он? Точно сказано – сон разума. Никакого просвета. И кто бы мог подумать, что в такой куче дерьма однажды родятся такие гениальные подонки, как Максим и ваш брат Али? Как там на этот счет говорится, Студент?

– Гении рождаются в провинции, а умирают в Париже, – сказал длинноволосый.

Он действительно одно время учился на филологическом, но эта жизнь показалась ему слишком пресной, и впоследствии он натворил немало таких дел, от которых его самого частенько мучила изжога. Однако словарный запас у него до сих пор был богатый, благодаря чему Студент заработал определенный авторитет у «брата Али», который был далеко не глуп и догадывался, что образование и хорошие манеры люди придумали совсем не напрасно.

– Точно, в Париже! – удовлетворенно заключил Али, отшвыривая в сторону сигарету и тут же поджигая новую. – Именно там я и намерен умереть. А может, и где подальше. Хочу, чтобы меня похоронили на приличном кладбище, в лаковом гробу, и чтобы красивая вдова белые лилии на могилку приносила.

– Знаешь, Али, а ведь Максим не в Париже загнулся, – вдруг сказал сильно небритый парень в засаленной до желтизны рубашке. – Его менты в занюханной пивнухе завалили под Казанью. Мой кореш труп его видел своими глазами. Менты тогда нарочно его долго не увозили, чтобы все могли полюбоваться...

– Это, Матрас, ты мне рассказываешь, как Максим загнулся? – саркастически поинтересовался Али. – Зря стараешься. Я про это лучше тебя знаю. Не порти настроение. Максим – это одно, а вот Али – совсем другое.

– Максим – человек был! – немного невпопад, с надрывом сказал четвертый пассажир «Москвича», самый хмурый, с заторможенным взглядом. – Отчаянный до невозможности. Авторитет, в натуре!

– Еще один запел! – с досадой пробормотал Али и глубоко затянулся сигаретой. – Прямо как про Ленина гимны слагают! Запомните, Максим – мертвяк. Нету его больше. Как там говорится, Студент?

– Прах к праху, – изрек Студент.

– Вот-вот, это я и имел в виду. В прах он обратился, в пыль! И базарить больше не о чем. Максим умер, а дело его живет. И мы должны это дело завершить. Как пионеры. Ты был пионером, Валет?

– Чего? – враждебно спросил хмурый. – У меня с третьего класса приводы в ментовку. Какие, на хрен, пионеры?

– Да, тяжелое у тебя было детство! – махнул рукой Али. – Ладно, поехали! Скоро рассветет, а мне не хотелось бы сильно рисоваться на нашем рыдване с вологодскими номерами. Менты здесь, конечно, лохи, но осторожность не помешает. Верно, Студент?

– Осторожность – мать мудрости, – подтвердил длинноволосый.

Али сел за руль. Захлопали дверцы, заурчал мотор, и «Москвич» медленно покатился с горы.

– Слышь, Али, а ты точно знаешь, что этот твой кент в городе? – осторожно спросил Матрас, который сидел на заднем сиденье. – Вдруг он на зону загремел или вообще пулю поймал? За два года много чего могло случиться.

– Не думаю, – помотал головой Али. – Я бы про это слышал. Земля слухом полнится. А этот Булат, он вообще остепенился. Когда мы тут с Максимом были, он уже глазом на сторону косил: дело у него, жена с приплодом, все как полагается. Не должен он никуда отсюда деться. Да и не в нем дело...

После этих слов Али надолго замолчал, но никто не решился прервать это молчание. Когда уже въезжали на сонную окраину, Али неожиданно сам продолжил:

– Я ведь вам сказал, что мы с Максимом в этом дерьмовом городишке родились. Кто-то из наших одногодков все равно тут остался. Если что, найдем знакомцев. Нам ведь Булат не больно и нужен. Нам нужен человек, который в здешних лесах не заблудится, который путь через болота знает. Я-то по лесам с детства не любитель был шататься, меня всегда в Москву тянуло... – Он засмеялся.

– В асфальтовые джунгли, – с удовольствием вставил Студент.

– Точно, – подтвердил Али.

– Постой, так ведь ты сам говорил, что вы с Максимом тогда в самую глушь забирались! – тревожно спросил Матрас. – Скажешь, что Максим по лесам любил прогуливаться?

– Не скажу, – ответил Али. – Но у нас был проводник. Старичок-охотник. Дядя Федор мы его звали.

– Так, может, его и найти сразу?

– Найдешь его! – ухмыльнулся Али. – За два года его, наверное, лягушки до костей объели. Нету дяди Федора, понятно? И никого нету, кто с нами ходил! Не доперло еще? Ничего не скажу, Максим авторитет был и большой отчаянности человек, но я лично свечку в храме поставил, когда его менты приморили, потому что тогда, в Черной Топи, он нас всех закопать собирался. Я чудом вырвался, а потом до самой его смерти по норам прятался, дыхнуть боялся.

– А вы тогда с Максимом много взяли, Али? – полюбопытствовал Студент.

– Тебе хватит, – отрезал Али. – И всем нам хватит, если сами не запалим дело. Два года назад через здешний банк два «лимона» наличными проходило.

– Неужели зеленью? – изумился туповатый Валет.

– Ага, мелкими купюрами, – кивнул Али. – Не знаю уж, какого хрена понадобилось бабло дробить и везти в эту дыру, – про это только Максим знал. Но, по слухам, вроде таким макарком одному здешнему начальнику отступного давали, чтобы он половину предприятий в городе

обанкротил. Ну, не знаю, мне это все по барабану. Мы тогда просто машину с деньгами встретили и... как это, Студент?

– Экспроприация экспроприаторов, – важно сказал Студент.

– Во, точно! – кивнул Али. – Так и было. Без крови, конечно, не обошлось, и шухер в городе был, дай бог! Нас, как волков, обложили – все дороги, вокзал, вертолет из Желтогорска прислали... А про Черную Топь никто и не подумал. Никто не ожидал, что мы на болота отправимся, понятно? Туда ведь даже местные не ходят, считается, что это место плохое – типа, инопланетяне появляются, люди пропадают... Ну что пропадают – это точно. Сам видел. Тогда еще, как на грех, два каких-то заезжих туриста нам попались... Ну ладно, чего зря базарить! Было и прошло!

– А что, в натуре инопланетяне? – подозрительно спросил Валет.

Али покосился на него в зеркало.

– Ага, – сказал он. – С рожками. В погонах и с матюгальниками. Не встречал ни разу?

Валет надулся и больше никаких вопросов не задавал. А вскоре уже и подъехали к нужному дому. На переговоры отправился сам Али.

Первый блин вышел комом. К его разочарованию, оказалось, что старый знакомый Булатов по кличке Булат уже год как переехал. Но, несмотря на ранний час, новые жильцы оказались достаточно любезны и объяснили Али, как проехать к новому дому Булатова. Сам он тоже был вежлив, как Дед Мороз, и улыбался чаще обычного. Оставляя после себя неприятное впечатление было совсем ни к чему.

Когда отыскивали новый дом Булатова, солнце уже выбралось из-за горизонта и позолотило крыши домов. Улицы оживали. Хмурые дворники дometали тротуары. Пронырливые фургончики везли в магазины свежий хлеб из городской пекарни. Запах теплой выпечки добрался и до салона «Москвича».

– Жрать охота! – с тоской сказал Матрас.

– Сейчас! Кофе тебе в кровать принесут! – откликнулся Али. – С булочкой.

– А чо? Я бы тоже похавал! – заявил Валет. – Гляди, какой дворец твой кореш отгрохал! Небось жрет одну икру и шампанским запивает, барыга!

Дом у Булатова действительно был отменный. Конечно, называть его дворцом было явным преувеличением, но выглядел он очень неплохо. Двухэтажный, построенный из дорожного кирпича, с островерхой крышей из искусственной черепицы, обнесенный высоким забором, дом вполне соответствовал пословице, в которой дом сравнивается с крепостью.

«А домик и в самом деле неслабый, – подумал про себя Али. – Раскрутился Булат, забашлял! Вот как жить надо, а то крутишься тут, как шлюха в подворотне... Ну ничего, теперь мы свое возьмем – не все другим банк срывать».

– Ладно, сидите тихо! – сказал Али, оборачиваясь. – Мы со Студентом разговаривать пойдем.

Он снова зажег сигарету и, попыхивая дымком, вылез из машины. Вместе со Студентом они подошли к воротам. За забором было тихо. Али нажал на кнопку электрического звонка и сказал своему спутнику:

– Гляди-ка, ни домофона, ни видеокамеры! Я думал, круче будет. Наверное, жизнь у Булата спокойная. Не боится открывать посторонним.

Однако не открывали им еще очень долго. За оградой по-прежнему царила тишина. Похоже, во дворе не было даже собаки.

– Долго кемарят! – заметил Студент. – Я думал, бизнесмены с первыми лучами Авроры встают...

– Про залп «Авроры» слышал, – хмыкнул Али. – А лучи-то у нее откуда?

– Аврора – это типа заря, – объяснил Студент. – В древности так говорили – для красоты.

– Ага, понял! – удовлетворенно сказал Али. – Выходит, героический крейсер «Аврора» и не «Аврора» вовсе, а «Заря»! Ну ничего, тоже нормально! И как только все это у тебя в башке помещается, Студент?!

Студент не успел объяснить своего секрета, потому что загремел замок, железная калитка отворилась, и наружу выглянул конопатый мальчик лет десяти в мешковатых джинсах и красной футболке с символикой московского клуба ЦСКА. На непрошенных гостей мальчишка глядел озабоченно, но не без некоторой надменности. Кажется, он привык к мысли, что его папа – важная шишка.

– Вам кого? – спросил он почти враждебно.

– Булат... то есть Булатов здесь живет? – спросил Али, ухмыляясь. Важная рожа пацана его забавляла.

– Конечно здесь! – с превосходством заявил мальчишка. – Мы давно уже здесь живем – весь город знает.

– То город, – смиренно ответил Али. – Мы с другом из деревни.

– Вчера с пальмы слезли, – захохотал Студент.

Мальчишка неодобрительно покосился на него и сказал:

– Пальмы в Африке растут. Я видел пальмы. Мы этой весной в Египте отдыхали. А в деревне, кроме лопухов, ничего не растет.

Али почему-то стало обидно за деревню.

– Ты, видать, сильно устал, сопляк, если тебе уже отдых требуется! – раздраженно сказал он. – Лопухи ему не нравятся! Сам-то кто? Лопух деревенский и есть, а туда же – нос дерет, чмо болотное!

У мальчишки даже нос заострился от волнения, и во взгляде его уже промелькнуло не высокомерие, а самый настоящий страх. Студенту показалось, что пацан хочет захлопнуть калитку, и он предусмотрительно выставил вперед ногу, обутую в тяжелый, почти солдатский башмак.

– Тормози! – угрожающе добавил Студент. – С тобой взрослые дяди разговаривают. Соблюдай правила вежливости.

– А чего вам надо-то? – угрюмо спросил мальчишка.

– Нам твой папаша нужен, который дрыхнет больше положенного, – сказал Али. – Какой же он у тебя, на хрен, бизнесмен, если спит, как лошадь? Так дела не делаются.

– Ага, ранняя пташка господу прославляет, – добавил Студент, – а поздняя... Вот черт, забыл, чего там поздняя делает!

– Неважно! – мотнул головой Али. – Сейчас мы сами эту позднюю морду поднимать будем.

Он бесцеремонно отодвинул мальчишку от калитки и вошел во двор. Студент последовал за ним. С мелодичным звоном щелкнул замок. По-хозяйски оглядывая двор, Али двинулся к дому. Сын хозяина с перекошенным от расстройства лицом семенил рядом, но Али не обращал на него никакого внимания.

Перед тем как войти в дом, Али небрежно закурил очередную сигарету и негромко сказал Студенту:

– Ты не встревай, понял? Ты нездешний и наших дел не знаешь. Стой себе, как торчок, и помалкивай, понял?

Тем временем мальчишка уже успел проскочить в дверь и поднять некоторый переполох. Когда Али со Студентом перешагнули через порог, их глазам предстала чудная картина.

Посредине большой светлой комнаты стояла большегрудая растрепанная женщина в дорогом пеньюаре и, уперев руки в крутые бедра, слушала какие-то бессвязные объяснения своего насмерть перепуганного отпрыска. Глаза у нее были мутные, непроснувшиеся, и едва ли она понимала хотя бы половину из того, что говорилось. Однако появление двух запыленных

незнакомцев, один из которых к тому же всюду дымил сигаретой, привело ее в чувство. Она нетерпеливо отпихнула в сторону мальчишку и грудью двинулась прямо на Али.

– Вы кто еще такие?! – воскликнула она довольно красивым, но сипловатым со сна голосом. – А ну пошли вон, пока я мужа не позвала!

Али смутно помнил, как выглядела жена Булатова, но в его представлении та все-таки была пониже ростом и не обладала столь пышными формами. Али знал, что многие женщины прибегают теперь к услугам пластических хирургов, чтобы исправить недостатки фигуры и добавить себе того, чего недодала природа, но здесь был явный перебор даже для хирургов.

– Тихо, не гони волну! – с затаенной угрозой произнес Али. – Муж твой нам ни к чему, бикса драная, а вот Булатова позови нам и побыстрее, пока я не рассердился!

Видимо, женщина не привыкла к такому обращению, потому что рот у нее раскрылся от удивления, и Али про себя отметил, что губы у нее пухлые и сочные, как переспелые ягоды.

«Жена она или не жена, а повалиться с ней на чистых простынях я бы не отказался, – алчно подумал он. – Да нет, чего там, с такой бы я и на собачьей подстилке не отказался. Жаль, времени нету».

– Ну чего ты не поняла, сучка? – ласково сказал Студент, который, видимо, испытывал схожие чувства. – Гони за Булатом, тебе сказано!

Женщина внезапно побледнела, поочередно впиалась взглядом в лица Али и Студента, а потом, подхватив кружевной подол, почти бегом кинулась наверх по деревянной лестнице с резными перилами, которая шла вдоль стены. Али и Студент с удовольствием наблюдали, как колышется при ходьбе ее аппетитный зад, а когда женщина исчезла наверху за дверью, тут же начали подниматься за ней следом.

– Я же тебе сказал – хавку не раскрывать! – с досадой проговорил Али. – Куда ты полез, Студент? Слова-то какие – «сучка»... А еще образованный человек!

– Я – недоучка, Али, – напомнил Студент. – А насчет бабы, я подумал, не считается.

Али не успел сказать, что он думает насчет такой сообразительности Студента, как вдруг дверь наверху с шумом распахнулась и на балюстраду вылетел грузноватый всклокоченный мужик в трусах до колен и в распахнутом халате. В руках у него плясало двуствольное ружье с гравированной табличкой на прикладе – должно быть, подарок на день рождения.

Это был, несомненно, Булатов, но Али узнал его не без труда – за время, прошедшее с момента их последней встречи, Булатов заметно полысел и прибавил не меньше пуда веса. Щеки у него свисали, как у бульдога, живот сползал на трусы, а нос был покрыт сеточкой мелких красноватых сосудов – свидетельство неумеренной жизни.

– Всем стоять, суки! – каким-то замогильным голосом заорал Булатов и, недолго думая, выпалил из обоих стволов прямо в идущих по лестнице гостей.

На самом деле он сознательно брал прицел повыше, и оба заряда дроби пролетели над головами Али и Студента, но эффект они произвели исключительный. Оглушающий гром выстрелов и свист дроби над макушкой убедили Студента в том, что жизнь его подверглась смертельной опасности. Он инстинктивно отпрянул, оступился и полетел вниз с лестницы, лишь чудом не переломав себе кости. Скатившись до самой нижней ступеньки, он грянулся об пол и несколько мгновений лежал без движения.

Али повел себя совершенно иначе. Сощурился, глаза и плевком выбросив изо рта сигарету, он метнулся вверх по лестнице, в два прыжка одолел оставшиеся ступени, рухнул под ноги Булату и, обхватив его колени, резким рывком опрокинул навзничь. Тот с диким криком припечатал затылком деревянный пол, выпустил из рук ружье и принялся извиваться всем телом, как жирная гусеница, на которую наступили каблуком. Из кармана его халата высыпались патроны в красных пластиковых гильзах.

Али мгновенно вскочил, подхватив ружье, и далее уже совершенно хладнокровно стал перезаряжать его, с большим любопытством поглядывая на корчащегося у его ног Булата.

В дверь просунула нос неприбранная большегрудая красавица, ахнула и снова спряталась. Али щелкнул стволами ружья, деликатно ткнул хозяина дома носком ботинка и сказал:

– Слышь, Булат, хорош придуриваться! Несolidно. В людей из обоих стволов палишь, а сам стонешь, что задницу зашиб. А если я тебя вот так, дробью?

Он наставил ружье прямо в лоб Булату. Тот моментально прекратил стонать и извиваться, сел и запахнул на груди халат.

– У тебя что, критические дни – ты на своих с волюной кидаешься? – добродушно спросил Али.

Булат поднял глаза, враждебным взглядом изучил загорелую физиономию гостя.

– Ружье убери! – хмуро буркнул он. – С ним, знаешь, шутки плохие!

– А пять минут назад где ты был? – удивился Али. – Когда какой-то козел нам чуть мозги не повышибал?

– Ладно, – сказал Булатов. – Я у себя дома. А вот вас я что-то не припоминаю...

– В самом деле? – Али оглянулся и с ружьем в руках присел на корточки возле хозяина. – А Максима ты тоже не помнишь? И как мы два года назад к тебе приходили – тоже забыл?

– А-а, – словно прозревая, сказал Булатов. – Теперь понял. А я думаю, откуда мне твоя ряшка знакома? У тебя Али кликуха, верно? А сразу не узнал – столько времени прошло!

– Да сколько его прошло-то! – пренебрежительно ответил Али. – А вот ты на самом деле изменился. Разжирел, как боров. Жизнь удалась, что ли?

– Врагу такой жизни не пожелаю, – мрачно сказал Булат и кряхтя поднялся, цепляясь за перила. – Вчера на фуршете был... Симпозиум, типа диалог бизнеса с властью... Диалог говенный получился, зато нарезались в умат! А тут ты с утра... И эта еще мадам залетает – там бандиты!.. Ясно, у меня крыша поехала...

– У тебя вроде жена худенькая была, – не удержался Али.

– Да какая она жена! – поморщился Булатов. – Гувернантка у пацанов. Английский знает...

– Она и еще кое-что знает, похоже, – плотоядно улыбаясь, сказал Али. – Сиськи-то у нее будь здоров! Век бы держался! – захохотав, он подмигнул хозяину.

– Ну, ты это... – недовольно пробормотал Булатов. – Ты, как это говорится... Не акцентировать! Жена у меня прихварывает. Я ее в санаторий отправил. Два дня только, как отправил.

– И уже соскучился, – снова засмеялся Али. – Ну ладно, это не мое дело. Ты только успокой эту свою дуру, а то она сгоряча додумается в ментовку позвонить.

– Не позвонит, – прокряхтел Булатов. – Я все телефоны отключил и спрятал. Достали уже. Хотел хоть денек спокойно пожить.

– Что так? А бизнес? – спросил Али.

– А ты думаешь, у деловых людей выходных не бывает? – с досадой поинтересовался Булатов. – Сегодня же воскресенье!

– Твою мать! Правда, что ли? – удивился Али. – А мы вообще за временем не следим. От самой Вологды гнали почти без остановок.

Булатов из-под насупленных бровей посмотрел на него.

– А чего прикатил-то? – осторожно спросил он. – Я думал, ты решил больше не появляться на родине-то...

– С чего это? – притворно удивился Али. – Как говорится, где родился, там и пригодился.

– Да это не про тебя вроде, – заметил Булатов. – У тебя вроде здесь ни родных, ни дома не осталось.

– Да уж, хором с гувернантками не завел, – подмигнул Али. – Но это неважно. Есть тут у меня кое-какие делишки. Но ты должен мне помочь.

Булатов отвел глаза, потер обвислые щеки.

– Ты меня пойми, Али, – сказал он. – Кое-что изменилось. Я теперь на виду. И менты у нас теперь не такие лохи, как раньше. Я в такие игры больше не играю. Да и Максим, я слышал, дуба дал – это правда?

Али с язвительной насмешкой посмотрел на него, медленно поднял ружье и приставил стволы к волосатому животу Булата.

– Хочешь сказать, что без Максима ты меня не уважаешь? – холодно спросил он. – Вот это ты зря. Я человек серьезный. И хочу, чтобы меня принимали всерьез. Мне плевать, в какие ты теперь игры играешь. Я хорошо помню, в какие игры ты играл два года назад, и если ты мечтаешь стукнуть про меня своим уважаемым ментам, то выбрось это из головы, потому что по всем понятиям ты – соучастник. Член организованной преступной группировки. Уж я постараюсь, чтобы менты про этот факт узнали в первую очередь.

– За кого ты меня принимаешь? – оскорбился Булатов, осторожно двумя пальцами отводя дуло ружья в сторону. – Я на корешей сроду не стучал. Только... Я не понял, при чем тут соучастник?

– Все ты понял, – сказал Али и опустил ружье. – В прошлый раз ты Максиму дядю Федора нашел. А теперь ты мне должен найти такого же человека. Хотим с братвой по лесу прогуляться, да боимся – заблудимся.

На жирное лицо Булатова упала тень.

– Дядя Федор... – мрачно сказал он. – Дядю Федора с тех пор никто не видел. Скажите спасибо, что у него ни родных, ни друзей не было. Никто его искать не хотел. А то бы такие возникли вопросы...

– Так не возникли же! – возразил Али. – Никто же не знал, с кем он ушел! Вот и сейчас так же сделай. Найди человека, скажи, что хорошо ему заплатишь...

– А мне кто заплатит? – спросил Булатов. – Я за так рисковать не хочу. Второго дяди Федора нету. Если на меня выйдут...

– Не парься. Тебя тоже не обидим, – сказал Али.

Булатов окинул его критическим взглядом.

– Не похоже, чтобы ты при башлях был, – сказал он.

– Не был, так буду, – многообещающе заявил Али. – И еще – пока ты человека ищешь, мы у тебя перекантуемся. И тачка пусть здесь постоит. Нехорошо, если кто-нибудь обратит на нее внимание.

Булатов хотел что-то возразить, но в этот момент на балюстраду, прихрамывая, выбрался Студент. Лицо его было мрачно, на правой скуле темнел свежий синяк. Он с неприкрытой злобой посмотрел на хозяина дома и уже открыл было рот, чтобы высказать все, что он думает, но Али опередил его. Точно указкой ткнув ружьем в сторону Булата, он многозначительно произнес:

– Я велел тебе заткнуться, Студент, – опять забыл? Все в порядке. Но если наш друган вдруг решит нас кинуть, тогда каждый получит слово, это я вам обоим обещаю!

Глава 3

Ночью Грачеву не спалось. Он вышел на балкон гостиничного номера и, опершись на перила, стал смотреть на спящий город. Ночь была теплой. Небо, усыпанное звездами, обещало хорошую погоду. Пахло свежей листвой и цветами. И еще в изобилии летали комары. Появление Грачева они приветствовали радостным гудом. Грачев с досадой отбивался от их атак, но в номер не шел. Они взяли четырехместный, и теперь жизнеутверждающий храп Мачколяна, прорезавшийся у него в середине ночи, не давал Грачеву спать. Откровенно говоря, дело было не только в этом. Причин для бессонницы и без того было у Грачева предостаточно.

Во-первых, неисправимый Макс с ходу увлекся симпатичной учительницей музыки, несмотря на то что приехали они сюда совсем не за развлечениями. Грачев попытался пресечь это безобразие в корне, между делом напомнив товарищу о семейном положении объекта его притязаний. Однако Макс со свойственным ему легкомыслием заметил на это: «Ну какая это семья! Детей-то у них нет! А муж... По-моему, он просто сумасшедший. Как может быть счастлива женщина, выйдя замуж за сумасшедшего? Я просто чувствую, как она просит меня помочь ей вырваться из этих оков. И вообще, это не твое дело, Грач!»

Спорить с Максом не было времени, да к тому же в глубине души Грачев и сам думал, что у господина Кузовкова с головой не все в порядке. То есть вел он себя вполне адекватно и никакой угрозы для общества не представлял, но, едва речь заходила о Черной Топи, Кузовков превращался в одержимого. В глазах его появлялся фанатический блеск, он размахивал руками, брызгал слюной и готов был часами доказывать первому встречному, что у них под боком живут марсиане.

Спасателям он тоже это доказывал. Накануне вечером, едва они познакомились, Кузовков тут же взял быка за рога. Узнав, из-за чего приехали в Боровск спасатели, он сразу же заявил, что они завтра должны все вместе отправиться на поиски пропавшей экспедиции, что дело абсолютно не терпит отлагательства и в любую минуту Хамлясова с его помощниками могут переправить на Марс, а то и в четвертое измерение. Он развернул перед гостями карту окрестностей Боровска со множеством отметок, которые ему одному были понятны, вручил каждому по альбому с пожелтевшими газетными вырезками и с какими-то мутными любительскими фотографиями и принялся сыпать фактами, слухами, историческими хрониками, которые все сводились в конечном счете к одному: Черная Топь – абсолютно необыкновенное место, которое едва ли не с девятнадцатого века облюбовали под свою базу пришельцы.

Жена его во время этой импровизированной лекции только тихо посмеивалась, приехавший из Москвы журналист Гессер, аккуратный сдержанный человек в дымчатых очках, записывал все на диктофон, а Грачев печально размышлял, как могло так выйти, что пришельцы, шляясь по здешним лесам с девятнадцатого века, умудрились остаться незамеченными широкой публикой, и даже ни одной фотографии пришельца сделано не было, если не считать такими какие-то бледные пятна на сомнительных снимках, нащелканных с помощью дешевой мыльницы неизвестно кем и неизвестно где. Однако вслух свои сомнения Грачев не высказывал, считая, что посторонняя дискуссия уведет их далеко в сторону. Ему важно было выяснить лишь то, что непосредственно касалось группы Хамлясова. Однако об этом речь зашла далеко не сразу. Сначала Кузовков с пеной у рта убеждал гостей в уникальности Черной Топи, в качестве аргументов используя закорючки на карте, вырезки из местных газет и собственные впечатления от прогулок по лесу. Потом заговорил об известности и авторитете «Международного института паранормальных явлений», возглавляемого крупным «ученым» Хамлясовым, и уже ближе к полуночи дошло до конкретных фактов.

К тому времени Грачев уже отправил Макса к остальным с наказом, чтобы те ехали в гостиницу обживать забронированный номер. Откровения хозяина слушал вдвоем с журнали-

стом. Со слов Кузовкова Грачев уяснил, что с Хамлясовым тот познакомился в прошлом году, когда «ученый» наведлся в Боровск в первый раз. Наслышанный о Черной Топи, Хамлясов собирался вплотную заняться столь заманчивым местом. Однако в минувшем году ему это не удалось – он лишь побродил в компании Кузовкова немного по лесу и полюбовался на обожженные молниями стволы деревьев. Утверждалось, что в Черной Топи молнии бьют необыкновенно часто, а шаровые молнии возникают в этих местах даже в ясную погоду. Одним словом, Хамлясов завелся и уехал обратно в Москву готовить экспедицию.

На этот раз москвичи приехали в количестве восьми человек, нагруженные рюкзаками, диковинным оборудованием, видеокамерами и оружием. (Грачев на всякий случай взял список – педантичный Кузовков помнил всех по фамилии и примерно знал роль каждого в экспедиции.) По старой памяти Хамлясов воспользовался услугами Кузовкова и обратился к нему с просьбой найти человека, который хорошо знает окрестные леса. Кузовков в городе знал многих, но найти такого человека было совсем не просто. Через знакомых вышли на некоего Тарасова, немногословного, скрытного человека, нигде не работающего и промышляющего охотой, попросту говоря, браконьера. Он согласился поводить москвичей по лесам и болотам, но сразу же заломил такую цену, что даже у выдавшего виды Хамлясова отвалилась челюсть. Деваться, однако, ему было некуда, и он согласился на кабальные условия, но в отместку за это не захотел ждать ни дня и отправился в лес без Кузовкова, таким образом отомстив ему за Тарасова.

Последнее соображение Грачев додумал сам, сопоставив факты, которые изложил ему хозяин. Кузовков никогда бы не поверил, что Хамлясов способен на такие мелкие пакости. Для Кузовкова он был светилом, непререкаемым авторитетом, рыцарем новой науки. Он верил в Хамлясова почти так же истово, как в зеленых человечков, населяющих Черную Топь.

Хамлясов ушел в лес со своей компанией и в сопровождении Тарасова утром двадцать восьмого июня. Обещал связаться с Кузовковыми, как только остановится на первый привал. И не позвонил ни разу. Этот факт был для Кузовкова основным поводом бить тревогу. В отличие от Хамлясова его московские коллеги были гораздо общительнее – они названивали в Боровск ежедневно, а Кузовков был вынужден отвечать, что ничего не знает, и с каждым разом его «не знаю» звучало все драматичнее. Он был на сто процентов уверен, что экспедицию Хамлясова уже поглотила таинственная стихия – возможно, четвертое измерение. В конце концов, в Москве тоже встревожились, но вторую экспедицию высылать не стали (Грачев подозревал, что сотрудников в «международном институте» раз-два и обчелся), а пошли другим путем – обратились в СМИ и к нужным людям. Нужные люди нажали на свои рычаги – и теперь Грачев был вынужден ломать голову, мистификация ли это, недоразумение или действительно несчастный случай. Ему очень не нравилось, с каким усердием и деловитостью мотал на все эти подробности столичный журналист Гессер – он явно собирался запустить в мир новую громкую сенсацию, и Грачев подумал, что этот необычно сдержанный для журналиста человек знает гораздо больше, чем старается показать.

Однако вызвать его на откровенность Грачев не рассчитывал. Когда Кузовков закончил свой рассказ, наступила полночь и пора было прощаться. Гессер остался ночевать у Кузовковых, а Грачев отправился в гостиницу. Несмотря на поздний час, дежурная, молодая черноволосая особа, впустила его, даже не пикнув, чему он немного удивился. А в номере уже выяснилось, что благодарить за это он должен Макса, который сумел так очаровать дежурную, что та не только допустила их в гостиницу вместе с собакой, но вряд ли даже стала бы возражать, приведи они с собой целого слона.

– Тот редкий случай, когда энергия Макса сработала в мирных целях! – благодушно проворчал Величко.

На что Грачев с беспокойством заметил, что долг платежом красен и, наверное, Макс теперь обязан пригласить дежурную в ресторан, на свидание, и черт знает чем все это еще закончится.

– Ничем это не закончится, отцы! – сонно ответил ему проснувшийся от шума Макс. – Я оставил бедной женщине лишь слабый лучик надежды. Я сказал ей по секрету, что завтра мы выходим в далекий, смертельно опасный поход, и... и, короче, давайте спать, мужики!

Грачев и сам жутко устал, поэтому признал замечание Макса разумным. Однако проспал он не более часа – мысли не давали ему покоя даже во сне. Уединение на балконе тоже не принесло никаких результатов. Грачев не знал, что ему делать. Он был убежден, что они попросту теряют здесь время. Никаких серьезных аргументов в пользу того, что группа Хамлясова попала в чрезвычайную ситуацию, он не видел. Разгоряченное воображение Кузовкова не в счет. Но даже если с экспедицией что-то и случилось, то в первую очередь этим должны заниматься местные власти, милиция, охотники, лесники, население, в конце концов. Нужны совместные усилия. Пусть поднимут в воздух пожарный вертолет. А их появление здесь не более чем экспромт. Ни Грачев, ни его товарищи не знают здешних мест, и их слишком мало на такой обширный лесной массив. Разумеется, высокое начальство имеет право на некоторые капризы, но разумные люди ориентируются в первую очередь на логику.

Эти выводы Грачев решил довести до сведения Косицина немедленно. Будить того ночным звонком он, конечно, не собирался, но, едва рассвело, отправился на переговорный пункт. Он знал, что Косицин поднимается рано, в шесть утра, и этой своей привычке, выработанной еще в армии, никогда не изменяет.

Соединили его с Желтогорском быстро. Косицин действительно был уже на ногах, но настроение у него было пасмурное.

– Ты, Валентин, не обращай внимания, – сказал он, поздоровавшись. – Вчера на банкете слегка перебрали, сам понимаешь. А у меня печень... Ну что там у вас?

Грачев изложил Косицину все известные факты и откровенно выразил сомнение в целесообразности направления их группы в Боровск. Он высказал Косицину все аргументы, которые подготовил ночью на балконе. Тот не стал спорить.

– Так-то оно так, Валентин, – вздыхая, сказал Косицин. – Только, видишь, какое дело... Вчера уже после банкета включаю новости... московские... А там диктор про нашу Черную Топь говорит. Ну, чепуху всякую говорит – про загадочные явления, про летающие тарелки, про шаровые молнии. Только что про зеленых человечков не упомянул. А потом прямым текстом – теперь, мол, в этом загадочном месте бесследно пропала группа ученых. Но желтогорские спасатели самоотверженно их ищут. Вы то есть, понимаешь?

– Можно в суд подать, – сказал Грачев. – Слупить с них за дезинформацию...

– Ты мне пошути еще! – болезненным тоном воскликнул Косицин. – Замминистра тоже эту передачу смотрел, оказывается. Сразу и позвонил. Так держать, говорит! Знаешь, удивительный мужик – пьет за двоих, и ни в одном глазу!

– У нас Мачколян тоже будь здоров может выпить, – хмуро сказал Грачев. – Так я не понял – нам возвращаться?

– Да ты что?! – испугался Косицин. – Сейчас в управление приду – замминистра первым делом будет о ваших успехах спрашивать.

– О каких успехах? – опешил Грачев. – Мы даже не знаем, пропал этот Хамлясов или просто деньги экономит. Илларионыч, не наше это дело!

– Это дело под контролем у самого министра, – значительно сказал Косицин. – А ты говоришь – не наше.

– Значит, ты настаиваешь, чтобы мы продолжали этот фарс? – негодуя спросил Грачев.

– Однозначно, – отрезал Косицин. – И никакой это не фарс. Известные люди. Резонанс в средствах массовой информации. Вся Москва волнуется. Ты мне хотя бы какую-то весточку от них добудь – и побыстрее.

– Да я ни черта тут не знаю! – взорвался Грачев. – Ты бы хоть с местной администрацией связался – для взаимодействия. Нам техника нужна, вертолет... Люди, хорошо знающие местность.

– Ну тут ты прав, конечно, – согласился Косицин. – С Боровском я свяжусь, поговорю с кем нужно. Вы где остановились?

Грачев объяснил.

– Ну ясно. Не волнуйся, местная власть вам поможет. Об этом я позабочусь. Вчера, сам понимаешь, не до этого было. Но вы и сами там поактивнее, ладно? В общем, ты извини, мне тут нужно приготовиться, в порядок себя привести. Давай свяжемся часиков в одиннадцать-двенадцать, ладно? Я на месте должен быть. А если что срочное наклонется, замужу передам. У тебя еще что-нибудь есть? – нетерпеливо закончил он.

– Комаров тут пропасть, – мрачно сказал Грачев.

– Экология, значит, хорошая, – неуверенно отозвался Косицин. – Ну, пока! Успехов вам.

– Успехов! – желчно повторил Грачев, вешая гудящую трубку. – Ничего себе!

Он вышел с переговорного пункта и на противоположной стороне площади сразу же увидел журналиста Гессера. В аккуратном костюмчике, при галстукке, в затененных очках, великолепно выбритый и свежий, он бодрым шагом направлялся туда, откуда только что вышел Грачев.

«Идет диктовать материал в свою газету, – догадался Грачев. – Двести строк на первую полосу. Профессор в руках зеленых человечков! Загадка Черной Топи! Вот кому на руку вся эта кутерьма».

Он пошел навстречу журналисту, а поравнявшись, поздоровался. Гессер недоуменно вскинул голову, но тут же расплылся в вежливой улыбке.

– Простите, не узнал сразу, – сказал он, протягивая холеную, но неожиданно крепкую руку. – Виделись-то всего один раз, да и то при электрическом свете. А я вот на почту – нужно давать свежий материал в газету. Как говорится, куй железо, пока горячо. Вас это, наверное, коробит, как и многих других? Но уж такая у нас профессия, куда деваться?

– Нет, мне, собственно, все равно, – сказал Грачев. – Просто интересно, в каком духе будет репортаж. Чернуха, наверное? Кровавая тайна Черной Топи?

Гессер улыбнулся.

– Ну, на самом деле не так трагично, но в принципе вы угадали, – сказал он. – У журналистики свои законы.

– А вы действительно верите в то, что пишете? – спросил Грачев. – Например, в случае с Хамлясовым. Какие у вас доказательства, что с ним случилось что-то ужасное?

– Но я же не отчет для географического общества пишу, – возразил Гессер. – В моем жанре допускается полет фантазии. Читатели это любят.

– Но опять же вы не про Гарри Поттера пишете, – недовольно сказал Грачев. – У этих людей родственники есть, друзья... Из-за тех слухов, которые ваша братия подогревает, и нас вот сюда прислали, а, по-моему, зря.

– Сочувствую, – сказал Гессер. – Но помочь ничем не могу. Каждый выживает как может. У вас приказ, и у меня приказ. Я имею в виду редакционное задание. Такие вещи не обсуждаются. К тому же, говорят, в здешних лесах и в самом деле немало любопытного. Мне кажется, мы бы могли с вами скооперироваться. Представляете, материал в столичной газете – отважные спасатели в поисках пропавшей экспедиции! С цветными фотографиями. Прославитесь на всю страну.

– Мы скромные, – сказал Грачев и недоверчиво поинтересовался: – А вы собираетесь отправиться в Черную Топь? Сами-то не боитесь зеленых человечков?

– Так, самую малость, – засмеялся Гессер. – Но я же не в одиночку. Супруги Кузовковы, еще кого-нибудь подыщем.

– А с Кузовковыми вы давно знакомы?

– Столько же, сколько и вы, – ответил Гессер. – Их адрес мне дал Хамлясов. Однако мне нужно бежать, извините. Мы еще встретимся?

– Возможно. Я намерен еще раз поговорить с Кузовковыми. Вы ведь, кажется, у них обосновались?

– Да, так мне удобнее. Станислав Сергеевич, конечно, немного экзальтированный тип, но жена у него прелесть. Говорю это без всякой задней мысли, не подумайте чего-нибудь эдакого...

– У меня и без того есть над чем подумать, – ответил Грачев.

Он решил навестить Кузовковых немедленно – хотел выяснить, что им известно о маршруте Хамлясова. Затем он предполагал заглянуть в администрацию Боровска. Важно было знать, как относится к происходящему здешняя власть и можно ли рассчитывать на помощь официальных лиц. И еще Грачеву хотелось встретиться с семьей охотника Тарасова, потому что, следуя логике, он тоже числился в пропавших и было бы не вредно узнать, что думают по этому поводу его родственники. Кстати, могло оказаться, что они осведомлены о предполагаемом маршруте экспедиции лучше, чем даже Кузовков.

В гостиницу Грачев возвращаться не стал. Если Макс узнает, куда он собрался, то непременно увяжется следом – этот еще раньше Гессера понял, что жена у Кузовкова прелесть. Когда Макс увлекался какой-нибудь женщиной, это всегда было очень серьезно, как для него самого, так и для окружающих. Женился Макс легко и так же легко вскоре обнаруживал, что смертельно ошибся в выборе спутницы жизни. Как чувствовала себя при этом избранница, можно было только догадываться. Поэтому Грачев считал, что единственно верным было гасить искру страсти в самом зародыше.

Кузовковы встретили его с энтузиазмом. Правда, весь энтузиазм исходил практически от одного Станислава Сергеевича. Его супруга была приветлива, улыбочива, но зато огорошила Грачева вопросом: «А где же ваш симпатичный товарищ, который вчера так рано ушел?» При этом в голосе ее Грачев уловил такие непростые нотки, что у него сразу же испортилось настроение. Исключительно в профилактических целях, стараясь говорить безразличным обыденным тоном, он ответил:

– А, Макс! Да он побежал на почту – у него сегодня последний срок уплаты алиментов. Платит троим, так что не всегда успевает вовремя.

Такой ответ немало озадачил Елену Тимофеевну, и в глазах ее появилось жалобное выражение, как у ребенка, не получившего на день рождения игрушку, о которой давно мечтал. Ее супруг благополучно пропустил весь диалог мимо ушей и, едва ли не схватив Грачева за грудки, принялся уговаривать немедленно отправиться на поиски пропавшей экспедиции. Он уверял, что готов выступить хоть сейчас, тряс картами и демонстрировал гостю превосходные болотные сапоги. Грачеву показалось, что от него уже пахнет мазью против комаров. Елена Тимофеевна смотрела на ужимки мужа с рассеянной улыбкой.

«У тебя, брат, семейная жизнь пропадает, – подумал Грачев, – а ты о пришельцах думаешь. И оглянуться не успеешь, как уведет у тебя жену какой-нибудь ухарь вроде нашего Макса».

– Знаете, Станислав Сергеевич, – вздохнув, сказал он. – С поисками мы пока повременим, ладно? Кое-что уточнить нужно. Вот вы, например, точный маршрут Хамлясова знаете?... Ага, значит, сомневаетесь? Я так и предполагал. А ваша Черная Топь на карте немалую площадь занимает, верно? Сами говорили, что далеко не всю ее облазили. К тому же болота там, прочие неприятности... А у меня всего трое, не считая собаки. Здесь важна точная информация, и поисковые мероприятия должны быть масштабные. Что же, мы самодеятельностью будем заниматься?

– Так ведь время уходит! Золотое время! – с трагическим надрывом провозгласил Кузовков.

– Спокойнее! – остановил его Грачев. – Откровенно говоря, никаких данных за чрезвычайную ситуацию у нас не имеется. Все это пока только предположения. Поэтому давайте для начала сделаем вот что – сводите меня к родственникам Тарасова, который проводником ушел. Возможно, они что-то знают.

Такое предложение Кузовкова озадачило. Он уже видел себя шагающим по таинственному лесу. Но Грачев настаивал, и Кузовкову ничего не оставалось, как согласиться.

Охотник Тарасов жил на окраине Боровска в невзрачном, но добротном деревянном доме, обнесенном крепким забором. На стук Грачева в калитку откликнулся собачий бас – простуженный и злобный. Чуть погода к нему присоединился второй, звонкий, исполненный еще большей ярости.

– Странно, – пробормотал Кузовков, пытаясь заглянуть в щель между досок. – Вроде у него две собаки было.

– Две и лают, – заметил Грачев.

– Это и странно. Вот эту, звонкую, он с собой взял – в лес. А теперь она здесь. Выходит, сбежала? Я читал, в поисках родного дома собаки способны преодолевать огромные расстояния...

– С чего бы ей сбежать, интересно? – задумчиво проговорил Грачев. – А вы уверены, что это та самая собака?

– Видите ли, Тарасова я немного знаю, – объяснил Кузовков. – Несмотря на все свои отрицательные стороны, этот человек – настоящий знаток леса. Мне приходилось вместе с ним охотиться. Иногда я к нему заглядывал домой. И собак его я знаю превосходно. Вот эта, с грубым голосом, – Карай, помесь ирландского волкодава и русской дворняги. А другая – Амур, чистокровный ирландский сеттер. Я не мог перепутать. Я лично провожал их, когда они все уезжали.

– На чем уезжали?

– У Тарасова есть «УАЗ», старенький, но чрезвычайно выносливый. Представляете, они все поместились в него! Правда, пришлось выкинуть к черту все сиденья, а на крышу приладить багажник, но в результате обошлись одним рейсом. К счастью, до Сосновки, где они решили высадиться, недалеко – километров пять, и ГАИ у нас тут не слишком свирепое.

– Значит, они доехали до Сосновки на машине? – спросил Грачев.

– Ну да, не тащить же на себе все снаряжение лишние пять километров! Обычно мы туда на автобусе ездим, но он ходит всего лишь два раза в сутки, очень неудобно...

– Доехали до Сосновки... – повторил Грачев. – Значит, машину оставили там? У кого?

– У Тарасова кругом знакомые, – ответил Кузовков. – Так что с машиной, я думаю, никаких проблем не было... Однако странно и то, что нам не открывают. Жена у Тарасова, Клавдия, всегда дома... И дети тоже. Каникулы сейчас.

Он снова забарабанил в калитку. Собаки ответили ему хорovým негодующим лаем. Потом в глубине двора хлопнула дверь, неприятный женский голос прикрикнул на собак, послышались приближающиеся шаги, и калитка наконец приоткрылась. Грачев увидел угрюмое лицо не старой еще, но уже как бы состарившейся женщины. Глаза ее недоверчиво и с тревогой всматривались в чужие лица. Пускать посторонних во двор она явно не собиралась и с Кузовковым вела себя так, будто видела его впервые в жизни.

– Вам кого? – неприветливо спросила она.

– Клавдия Ивановна, здравствуйте! – скороговоркой произнес Кузовков. – Вы меня не узнаете? Я у вас был совсем недавно, с Павлом Ивановичем договаривался...

– Ничего не знаю, – убежденно сказала женщина.

Кузовков растерялся. Такого поворота он не ожидал и теперь растерялся. Грачев пришел ему на помощь.

– Что значит, не знаю? – удивился он. – Как это вы можете ничего не знать про своего собственного мужа? Ваш муж двадцать восьмого июня уезжал в лес с группой ученых из Москвы?

– Ничего не знаю, – тупо повторила женщина. – У него и спрашивайте.

– У кого у него? – начал злиться Грачев. – От вашего мужа уже несколько дней нет никаких вестей. Не исключено, что с ним что-то случилось. Вот даже мы из Желтогорска приехали на его поиски. Вам известно, каким маршрутом он собирался двинуться?

– Ничего не знаю, – бесстрастно повторила женщина. – У него и спрашивайте.

Она вдруг отпрянула и захлопнула калитку перед самым носом у Грачева. Звякнул металлический засов. Кузовков с глупым видом посмотрел на Грачева и виновато развел руками.

Глава 4

– Одним словом, вот эта самая Сосновка – колыбель, в которой произрастал ваш покорный слуга! – театрально произнес маленький узкогрудый человечек в замурзанном пиджачке, с огромным рюкзаком за плечами.

Рюкзак был так набит, что человечек не смог самостоятельно выбраться из автобуса, и Али пришлось выпихивать его оттуда, как пробку из бутылки.

– Кто произрастал? – подозрительно спросил Валет, который не понял ни одного слова из произнесенной тирады.

– Ну, то есть я – Валентин Шпагатов собственной персоной, – сказал человечек. – Это образно так говорится – колыбель. Вот и Циолковский говорил: «Земля – колыбель человечества!»

Кроме старого пиджака на нем были заправленные в сапоги брезентовые брюки и белая бейсболка с длиннющим козырьком. Громадный рюкзак гнул его к земле и крючил пополам. Но узкое личико Шпагатова с носиком-пуговкой и раскосыми глазками сияло. Он чувствовал себя героем дня.

Валет с отвращением посмотрел на эту нелепую фигуру и спросил у Али:

– Не пойму – чего он гонит?

– Цитатами кроет. Не обращай внимания, Валет! – улыбнулся Али. – Не напрягай извилины.

Валет обиделся и посмотрел на Шпагатова взглядом, который не предвещал ничего хорошего. Неожиданно его поддержал Матрас.

– Пусть он нам про колыбель не заливает, а ведет куда нужно! – заявил он, сплевывая пыль, которая набилась ему в рот во время путешествия в пригородном автобусе. – Это вообще далеко, Али? Не люблю я эту природу на хрен!

– А кто любит? Я, что ли? – жестко сказал Али. – Максиму спасибо скажите. Его задумка. Хотя по-своему он все правильно рассчитал. Но об этом потом будем базарить. А сейчас – вперед! Сусанин нас живо доведет. Тут, если тропы знаешь, часов за пять до нужного места добраться можно. Наобум, конечно, дольше получится. А можно и вообще не добраться. Там дальше болота начинаются – топь!

– И вот этот стручок нас поведет через болота? – с ненавистью спросил Валет, указывая на Шпагатова. – Да он через полкилометра копыта откинёт! Какой козел его тебе показал, Али?

Все четверо невольно уставились на Шпагатова, который от всеобщего внимания растерялся, засеменял ногами и поглубже надвинул на голову бейсболку.

– Не понимаю вашего тона, господа! – бегая глазами, пробормотал он. – Я лес как свои пять пальцев... С детства... По сию пору за грибами выбираюсь и вообще... А что комплекция у меня такая, это неважно, я, знаете, какой выносливый?

Али махнул на него рукой, призывая к молчанию, а потом обернулся к своим спутникам.

– Этого хмыря Булат нашел, – негромко, но внушительно произнес он. – Сказал, что знает он Черную Топь от и до. Из вас кто-нибудь знает Черную Топь?

– Да мы же тут вообще в первый раз в жизни! – воскликнул Студент. – Это твоя родина, Али.

– То-то и оно, – назидательно добавил Али. – А я, между прочим, на такой риск не пойду – по болотам лазить.

– Ты ведь там был уже, – мрачно удивился Валет.

– Потому так и говорю, что был, – отрезал Али. – Еще вопросы есть?

Вопросов больше не было. Собственно говоря, остальных мало волновала личность проводника. Студента и Матраса куда больше смущала перспектива предстоящего марш-броска

через незнакомый лес, про который ходило множество неприятных слухов. Ни тот, ни другой не были любителями пеших прогулок, к тому же в отличие от своего предводителя оба были нагружены рюкзаками – не такими внушительными, как у Шпагатова, но тоже довольно увесистыми. Али рассчитывал управиться со всеми делами за один день, но все-таки предусмотрительно запасся провизией и дополнительным оружием. Вообще-то все четверо уже были вооружены пистолетами, но Али выпросил у Булата четыре охотничьих ружья, до которых тот был большим охотником. Теперь в разобранном виде они тоже лежали в рюкзаках у Студента, Матраса и Валета. Шпагатов подготовился к походу куда основательнее – он тащил с собой даже двухместную палатку. Он настроился на превосходное приключение, надеялся блеснуть перед приезжими знанием лесных троп, но в душу его потихоньку начинало закрадываться сомнение. Компания, которую ему предложили сопровождать, выглядела довольно странно. На обычных туристов эти люди были несколько не похожи. Более того, от них исходил дух какой-то недоговоренности, неясной угрозы, общались они между собой жесткими, а порой откровенно грубыми фразами, полными тревожных полунамеков. Шпагатов очень быстро почувствовал себя не в своей тарелке, но старался делать вид, будто ничего не замечает. Так ему самому было спокойнее.

Али тоже был не в восторге от этого subtilного, придурковатого, как он считал, человечка. Булатов обещал найти им проводника, и Али ожидал увидеть матерого, уверенного в себе мужика с крепкими мышцами и охотничьими ухватками. Появление болтливового клоуна в бейсболке возмутило его, и у них с Булатом состоялся очень резкий разговор. Однако тот уверил Али, что лучшего проводника им не найти – Шпагатов работает в краеведческом музее, уже много лет шляется по здешним лесам, к тому же он одинок и находится сейчас в отпуске, – его уход с Али в Черную Топь не привлечет ничего внимания. Скрепя сердце Али вынужден был смириться с предоставленной кандидатурой. Искать нового проводника не было времени, к тому же такого убогого типа, как Шпагатов, не жалко было прикончить. Избавиться от проводника было решено с самого начала – этот пункт даже не обсуждался.

Кажется, и Булатов догадывался об этом и потому с большим беспокойством выпрашивал Али о его планах – надолго ли тот уходит в лес, когда собирается вернуться и что думает делать дальше?

– Все это не твоя забота, – сказал ему Али. – Ты бензином торгуешь – вот и торгуй. А про свои планы я тебе сам расскажу, если понадобится. В твоих же интересах. Меньше знаешь – дольше живешь.

Булат больше с вопросами не приставал, но после этого разговора беспокойством заразился уже сам Али. Что-то в поведении Булата его настораживало – вот только он никак не мог понять, что именно.

Впрочем, тот ни в чем гостям больше не отказывал. После «теплой» встречи, которую он им устроил, Булат сделался покладистым и радушным. Накормил до отвала, снабдил продуктами, оружием и кое-каким снаряжением. Студент даже начал между делом подкатываться к симпатичной гувернантке, но Али пресек эти попытки в самом зародыше.

На следующий день доехали утреним автобусом до Сосновки. От нее до леса было рукой подать. Главное было не задерживаться в этой дыре, не привлекать внимания – деревенские любопытны, а новые лица здесь всегда как на ладони. Поэтому Али поспешил увести своих людей из деревни сразу же, как только выгрузились из автобуса.

Однако за околицей их ждал неприятный сюрприз. Навстречу им попала телега, которую неспешно волокла по дороге понурая лошадедка. В телеге на клочке соломы полулежал неопределенного возраста мужичок в надвинутой на нос кепке. Он уже издали начал всматриваться в группу мужчин, которая шагала ему навстречу по обочине, а когда поравнялся с ней, вдруг натянул вожжи, крикнул «Тпр-р-ру!», а потом соскочил на землю и что есть силы пихнул Шпагатова под ребро.

– Тушканчик! – заорал он, не обращая ни малейшего внимания на обращенные на него взгляды. – В натуре, Тушканчик! Во, встреча! Да ты меня не признаешь, что ли? Ленька я! Ленька Васильев! Мы же с тобой за одной партией сидели! Забыл, что ли? Вот чудо-то!

Шпагатов, который до сих пор сосредоточенно пер свой необъятный рюкзак и по сторонам не смотрел, после тычка едва не повалился на землю, но удержал равновесие и с некоторой опаской уставился на мужика. Но постепенно лицо его прояснилось, Шпагатов заулыбался и неловко обнял бывшего одноклассника.

– Леня! – растроганно сказал он. – В самом деле! Надо же! А я ведь тебя не узнал!

И тут они оба начали сыпать бессвязными фразами, вспоминая молодость и старых друзей, чем здорово взбесили всю компанию. Валет даже минуты не выдержал.

– Ну ты, Тушканчик! – уничтожающе сказал он. – Хорош базарить! У нас тут не вечер знакомств. Топай, куда топал!

Бывшие одноклассники посмотрели на него мутными от воспоминаний взглядами.

– А ты тоже, что ли, ученых провожаешь? – спросил Ленька Васильев. – Ну дела! Развелось ученых, как воробьев! Слышь, вчера только в Сосновку приехали человек десять! Ага! Машину у Чибиревых на дворе оставили, договорились, значит. А сами в Черную Топь подались – с приборами, все как полагается. Место, говорят, у вас тут загадочное. Будем, говорят, следы пришельцев искать. Про пришельцев не знаю, но в прошлом году у Кушумовых скирда сена сгорела посреди бела дня. Говорят, молния откуда ни возьмись прилетела. А еще Егоров Лешка, тезка мой, поехал на тракторе за дровами. По правде говоря, ночью поехал – с тем расчетом, чтобы не поймали. А когда к лесу подъезжал, загудело у него над головой, полыхнуло, и мотор сам выключился. Он уж и так и эдак – не включается мотор. Так до утра и проканителлся, а утром мотор сам собой завелся, понял! А вот бабка Соколовская, та марсиан своими глазами видела, у себя в огороде...

Али видел, что Валет, раздраженный до крайности этой болтовней, готов броситься в драку, и решил разрешить конфликт прежде, чем тот начнется. Он втиснулся между старыми одноклассниками и, обращаясь к Леньке Васильеву, сказал:

– Ты извини, дядя, но нам двигать пора. У нас, ученых, график работы плотный очень. Хоть спать не ложись.

– Ага, работенка у вас хреновая, – охотно согласился Васильев. – А лучше бы пошли все ко мне. У меня баба такой самогон гонит – слеза! Посидели бы, закусили, а потом и шли бы себе на все четыре стороны. Никуда ваша наука не убежит, полагаю.

– Спасибо за приглашение, – улыбнулся Али. – Как-нибудь в другой раз. Говорю, работы полно. Давай проезжай, папаша! Нам идти надо.

Они расстались с гостеприимным мужиком и двинулись дальше. Шпагатов то и дело оборачивался, высматривая на дороге своего бывшего одноклассника, и лицо его при этом озарялось мечтательной улыбкой.

Али от этой улыбки тошнило. К тому же в душу его закралось ужасное подозрение. Он сопоставил мысленно некоторые факты и пришел к выводу, что Булатов их кинул – вместо проводника подсунул хвастуна и лоха. Ведь если Шпагатов знал как свои пять пальцев Черную Топь, то он должен был частенько наведываться в Сосновку, это был самый простой путь добраться до леса. Но, судя по всему, Шпагатов не бывал в Сосновке уже тысячу лет, и этот факт вверг Али в глубокое раздумье.

Однако ни о чем не догадывавшийся Шпагатов шел вперед уверенно и споро, точно муравей преодолевая сопротивление навьюченного на него груза. Он без раздумий выбирал путь и безошибочно пробирался среди молодого леса, в котором они оказались уже совсем скоро.

Не растерялся Шпагатов и дальше, когда из светлой шелестящей рощи они попали в мрачный густой ельник, где даже солнечным утром царили сумрак и тишина. Шпагатов успевал еще и комментарии давать, будто экскурсию сопровождал.

– У нас здесь каких только пород деревьев не растет! – с гордостью объявил он. – Видите эти ели? Им не меньше ста лет. А дальше будет уникальное место – реликтовые сосны...

Валет, которого живая природа раздражала, посоветовал ему заткнуться, чтобы сохранить зубы. Шпагатов испуганно посмотрел на него и, кажется, впервые надолго задумался. Али это уже не беспокоило – они достаточно глубоко зашли в лес, и помощи Шпагатову ждать было неоткуда.

Вскоре угрюмый ельник действительно закончился, и они очутились в просторном, залитом красным солнцем сосняке. Шпагатов с искренним восторгом любовался высоченными раскидистыми соснами, то и дело задирая голову к небу. Ему явно хотелось разразиться какой-то умной речью, но, глядя на хмурые лица своих спутников, Шпагатов тут же замыкался в себе и, опустив голову, шел дальше. Несмотря на свою жалкую внешность, он, кажется, действительно был довольно вынослив, и эта черта постепенно тоже начинала раздражать всю компанию.

Никому из них не приходилось подолгу ходить пешком, и уже через два часа все начали испытывать утомление. Тропа, по которой они шли вначале, кончилась, а сосняк постепенно уступал место смешанному лесу, где деревья росли так плотно, что порой сквозь них приходилось буквально продирается, вилять среди стволов, нырять под упавшие деревья, уклоняться от развешенной среди ветвей паутины и одновременно отмахиваться от комариных туч, которые вились над головой.

Шпагатову все было нипочем, но остальные вскоре начали роптать. Первым не выдержал, как обычно, Валет.

– Что за параша! – с ненавистью прорычал он, споткнувшись о корень и нырнув лицом прямо в огромную сеть, которую сплел между деревьями паук-крестовик. – Вот мразь! Ты куда нас приволок, Тушканчик хренов! Яйца тебе оторвать надо!

Услышав один раз школьное прозвище Шпагатова, он теперь с наслаждением повторял его при каждом удобном случае. Если бы не Али, он бы давно перешел и к физическому воздействию – так у него чесались руки на этого несуразного человечка.

Все остановились и тупо смотрели, как Валет выцарапывает из своих волос запутавшегося там крестовика. Валет не был польщен таким вниманием, но всю злобу обратил опять на Шпагатова.

– Чего пялишься, урод?! – просипел он. – Доволен? Ох, и урыл бы я тебя, сучонка... Подожди, еще вспомнишь!..

Растерянный Шпагатов не знал, что и сказать. Однако он уже начинал понимать, что ввязался в какую-то нехорошую историю. То, как с ним обращались заезжие «туристы», не оставляло места ни для каких иллюзий. Но открыто протестовать Шпагатов опасался.

– Извините, – робко сказал он, ища глазами фигуру Али. – Вы сказали, что вам на болота надо, я и пошел напрямую. Если по тропе идти, тройной крюк придется делать. Пожалуй, и до вечера не доберемся.

– Все нормально, – успокоил его Али. – Не бери в голову. Этот «ученый» у нас такой грубый. У него образования – три класса и четыре ходки. Что с него взять? Ты веди, куда нужно.

– Слышь, Али! – подал голос Матрас. – А вообще не мешало бы передохнуть. Я, например, запарился по этим джунглям таскаться. Да и хавать охота. Труби привал, в натуре!

Его поддержал Студент. Али и сам измучился от жары и ходьбы по лесу.

– Ладно, – махнул он рукой. – Привал так привал. Давай, Тушканчик, ищи какую-нибудь поляну. Не в кустах же мы будем сидеть. Есть тут где-нибудь поляна?

Шпагатов со знанием дела огляделся, пощупал шершавый ствол дерева, возле которого стоял, и фальшиво-бодрым тоном сказал:

– Конечно, мы найдем подходящую поляну! Только нужно еще немного пройти на север.

– Опять пройти! Вот сука! – взорвался Валет, срывая с плеч рюкзак. – Пускай тогда сам несет! – Он разразился грязной бранью.

Шпагатов растерянно отступил назад, втянув голову в плечи. Его собственный рюкзак, большой, как воздушный шар, запутался в ветвях и мешал отойти подальше. Шпагатов выглядел так потешно, что Али невольно улыбнулся.

– Закрой пасть, Валет! – добродушно сказал он. – Наш Сусанин и свой-то рюкзак еле тащит, а с твоим вообще переломится. Ты не обращай на него внимания, Тушканчик. Я же сказал, что этот «ученый» у нас с прибабахом. Иди себе спокойно. Только давай поищем место, где деревьев будет не так много, ладно? По правде говоря, достали меня твои деревья!

– Так ведь лес же, – упавшим голосом сказал Шпагатов, повернулся и, покосившись с опаской на Валета, стал пробираться через заросли дальше.

Чувствуя за спиной опасность, он невольно все прибавлял и прибавлял шаг и вскоре намного оторвался от своих спутников.

– Куда он рванул, гад? – с ненавистью расшвыривая в стороны колючие ветки, шипел Валет. – Свалить хочет, гад!

Напряжение достигло предела. Еще минута, и Шпагатову не поздоровилось бы, но тут они вышли на поляну.

Небольшая, залитая солнцем, покрытая густой травой и голубыми лесными цветами, она одним своим видом навевала умиротворение. Все тут же забыли о Шпагатове и с огромным облегчением повалились на траву. Студент, Валет и Матрас распаковали свои рюкзаки и с ходу принялись за еду. Снял свой рюкзак и Шпагатов, предусмотрительно отойдя в сторону. Ссутулившись, стараясь казаться незаметнее, он открыл рюкзак и достал оттуда промасленный сверток, завернутый в старую газету. В нем оказались бутерброды с сыром и два разрезанных пополам огурца.

Но за еду Шпагатов приняться не успел. К нему неторопливо приблизился Али и посмотрел на него сверху вниз задумчиво и непонятно.

– Слышь, Сусанин, – сказал он с легкой усмешкой. – Ты говорил, у тебя карта имеется. Покажи, где мы сейчас находимся!

Шпагатов засуетился, принялся лихорадочно копаться в рюкзаке, разбрасывая по траве всякую необходимую в походе мелочь. Али с прежней усмешкой наблюдал за ним. Наконец Шпагатов отыскал помятую, сложенную в несколько раз карту, развернул ее, с озабоченным видом принялся водить пальцем по бледно-зеленым разводам.

Али был разочарован: карта оказалась самодельной, то ли отпечатанной на ксероксе, то ли нарисованной от руки, – ничего похожего на обычную двухкилометровку. «Без бутылки не разберешься», – с неудовольствием подумал Али, однако с большим вниманием выслушал сбивчивые объяснения проводника и попытался мысленно сопоставить зеленые пятна на листе бумаги с собственными воспоминаниями двухгодичной давности. Честно говоря, в голове у него мало что осталось – не тот был случай, когда хочется сохранять в памяти детали пейзажа.

– Короче, долго еще до болот тащиться? – спросил он.

– Часа два, не меньше, – будто оправдываясь, сказал Шпагатов.

Но по его виноватым испуганным глазам Али понял, что гораздо больше. Он не стал более ничего говорить – повернулся и отошел в сторону. В душе он здорово на себя злился: сейчас Али отчетливо понимал, что совершенно беспомощен в этом чертовом лесу, а ведь еще предстоял путь через самый опасный участок – через болота. Без проводника вообще гиблое дело. А с проводником он тоже дал маху. По-хорошему, ни в коем случае не следовало торопиться, нужно было посидеть в Боровске подольше, порасспрашивать знающих людей, найти настоящего проводника, а не это чучело, которое, кроме раздражения, ни у кого никаких чувств не вызывает. Али даже боялся представить, какой вой поднимет братва, когда выяснится, что Тушканчик не знает дороги через болота. Почему-то Али был теперь уверен, что

проводник в лучшем случае доведет их до болота, а дальше им придется действовать на свой страх и риск.

Сообщники увлеченно жевали, запивая еду кока-колой. Студент вслух сокрушался по поводу отсутствия спиртного, Матрас над ним подшучивал – все знали, что Студент был большой любитель выпить. Но Али пообещал выбить зубы любому, кто захватит с собой хоть каплю спиртного. Рисковать никто не захотел. Однако Студент отводил душу нытьем, и скоро это Али надоело.

Есть ему не хотелось – сев спиной к Шпагатову, он закурил сигарету и стал смотреть на лес, на братву, на небо. Солнце уже основательно перевалило за полдень, но на поляне было жарко, как в бане. Зудели шмели и комары, которых здесь было все-таки поменьше, чем в чаще. Не хотелось ни двигаться, ни думать, а ведь они даже не прошли и половины пути. В душе Али начала нарастать глухая злоба, и когда Студент в очередной раз упомянул про водочку, Али сердито оборвал его:

– Хорош базарить! Водка им понадобилась! Вы и по трезвянке еле копытами ворочаете, а нам еще топать и топать! Думаете, я сам буду искать башли, а вам на тарелочке принесу? Кончай хавать, поднимайтесь!

– Ты, Али, как командир прямо, – смущенно проворчал Студент. – Был у нас такой на военной кафедре. Встать – сесть, и весь разговор. Пожрать-то надо! Сам говоришь, еще долго идти.

– Нажрались уже, – мстительно сказал Али и стремительно встал на ноги.

– Е-мое! А где наш Тушканчик гребаный? – вдруг с тревогой спросил Валет, озираясь по сторонам. – Только что тут был, сука!

Все обернулись. Огромный рюкзак валялся на траве, на развернутой газетке лежал надкусанный бутерброд с сыром.

– Сбежал, – сказал Валет.

– Да ладно, – рассудительно заметил Матрас. – Куда сбежал? Рюкзак-то вот он. Отлить, наверное, отошел.

– Не-е-ет, он не отлить пошел! – зловеще пропел Валет, вскакивая на ноги и бросаясь в заросли. – Он, падла, кинуть нас решил. Ну, отоварю я его сейчас!

Он с шумом ворвался в кусты и исчез за деревьями.

– Видали, как скачет, – подмигнул Матрас. – А говорит – устал!

– Ладно, шутки тут плохие, – оборвал его Али. – Без Сусанина нам тут хана. Искать надо.

Они, не сговариваясь, ринулись в лес.

– Тушканчик! – крикнул Али. – Вернись! Слышь, Тушканчик? По-хорошему прошу! Найду – уши обрежу!

Он продрался сквозь душные, липкие от паутины заросли, распугивая комаров, пробежал метров пятьдесят и остановился. Вокруг стояла тишина, только в стороне слышался удаляющийся треск веток – это братва шарила по лесу в поисках проводника. Али неуверенно прошел еще метров десять и оглянулся. За спиной стояла зеленая стена из переплетенных между собой стволов и веток. Впереди было то же самое. Али понял, что ни черта он в этих джунглях не найдет, а заблудиться сможет в два счета. Для очистки совести он еще раз окликнул Шпагатова, а потом повернулся и медленно побрел в сторону поляны.

Вскоре туда вернулись и все остальные, вспотевшие и злые. Валет разразился длинной матерной тирадой, в которой обещал Шпагатову такие адские муки, что если бы тот мог слышать все это, то наверняка умер бы от страха.

Но слышать проклятий в свой адрес Шпагатов не мог, потому что к тому времени он сломя голову бежал через лес, все круче забирая к востоку, стремясь как можно дальше уйти от бандитской стоянки. В том, что его спутники были настоящими бандитами, Шпагатов уже несколько не сомневался. Они называли друг друга исключительно кличками, вели себя по-

хамски, и каждое их движение было наполнено агрессией. Шпагатов с самого начала чувствовал себя в этой компании неловко, а теперь у него окончательно открылись глаза. Он понял, что если немедленно не сбежит, то впереди его ничего хорошего не ждет. Что такое затевают бандиты и для чего они отправились в лес, Шпагатов не знал, но из некоторых полунамеков уяснил, что на болотах у них есть какое-то дело и наверняка дело это было грязным. Свидетелей после таких дел не оставляют.

Сообразив все это, Шпагатов улучил момент, когда его спутники сосредоточились на жратве, и потихоньку отполз на край поляны, в кусты, а потом дальше в заросли. Здесь он тихо поднялся и на полусогнутых пробрался через буйно разросшийся осинник. Когда он убедился, что с поляны его не видно, Шпагатов ускорил шаг и двинулся на восток. Страх подгонял его. Через пять минут он был уже далеко. Ему было до слез жалко рюкзака и множества полезных вещей, оставшихся в руках врага, – даже карту он не рискнул взять с собой, опасаясь лишним шорохом привлечь внимание. Но жизнь была дороже. Единственное, что он захватил с собой, – разрезанный пополам и уже посоленный огурец. Шпагатов сунул его в карман.

Вообще же Шпагатов втайне надеялся, что сумеет вернуть рюкзак. Он собирался немедленно возвратиться в Боровск и написать заявление в милицию. Иного выхода он не видел. Из книг и фильмов Шпагатов знал – бандиты всегда мстят. Вряд ли эти были исключением. Значит, он должен был принять меры, чтобы предупредить их.

Убедившись, что погони за ним нет, Шпагатов немного успокоился и принялся мечтать о том, какой сюрприз он приготовит этим негодяям, которые так цинично и жестоко воспользовались его доверчивостью. Эта мечтательность и еще усталость сыграли с ним злую шутку. Спускаясь в неглубокий овражек, Шпагатов зацепился ногой за торчащий из земли корень, споткнулся и кубарем полетел вниз. Придя в себя, он обнаружил, что растянул лодыжку. Каждое движение причиняло жуткую боль, и Шпагатов с ужасом понял, что возвращение домой откладывается на неопределенное время. С одной ногой он был не ходок.

Уяснив это обстоятельство, Шпагатов уселся на траву, бережно вытянув больную ногу, печально съел последний огурец и стал думать, что делать дальше. Положение осложнилось еще тем, что он не очень хорошо представлял себе, где находится. В лесу он был, конечно, не впервые, но обычно в своих походах Шпагатов обязательно пользовался картой. Считая себя знатоком этих мест, в душе он признавал, что знает их недостаточно, – Черная Топь была очень непростым местом, и заблудиться здесь можно было в два счета.

Среди валявшихся на дне овражка палок Шпагатов выбрал одну попрочнее и, используя ее как костыль, с большим трудом выбрался наверх. Постанывая от тянущей боли в ноге, Шпагатов проковылял метров двадцать и вдруг вышел на небольшую узкую полянку, напоминавшую коридор среди деревьев. Он сразу догадался, что здесь были люди: трава была примята, а посерединке виднелась свежая проплешина – присыпанное землей кострище. Шпагатов присел на траву и потрогал рукой холмик. Земля была еще теплой, и, значит, люди ушли отсюда совсем недавно.

Глава 5

Косицин сдержал свое слово, позвонил в администрацию Боровска и даже, по его словам, заручился обещанием местных властей оказывать спасателям всемерную помощь. На деле, однако, все оказалось не так гладко. Грачев был принят заместителем мэра, Валентином Ивановичем Токалиным, решительного вида человеком, с борцовским ежиком на голове. Он был очень любезен, деловит, выслушал Грачева очень внимательно, но с удивительной ловкостью уклонился от каких-либо обещаний. Предложение выделить для поисков вертолет вызвало у него сочувственную улыбку. Вертолет можно было попросить лишь в воинской части, но оказалось, что между городским начальством и военными существовали какие-то непонятные трения, из-за которых любое сотрудничество на данный момент исключалось. Поднимать широкие массы для прочесывания леса Токалин не считал целесообразным и вообще посоветовал Грачеву не горячиться.

– Сами же говорите, что у нас нет никаких конкретных данных о том, что эти люди попали в чрезвычайную ситуацию, – убеждал он. – Все это только чьи-то предположения, верно? Охотно верю, что в Москве кто-то так беспокоится о судьбе известного ученого, что старается забежать вперед паровоза. Наверху могут себе это позволить. Они считают, что наши ресурсы безграничны. Мы же должны проявлять мудрость и не пороть горячку. Кто знает, может быть, эти исследователи просто не хотят себя афишировать? Знаете, сейчас даже в этих кругах сплошные коммерческие тайны. Но даю вам честное слово – как только появятся веские доказательства, я лично выйду на поиски!

Грачев сразу понял, что ничего в этом кабинете не добьется. Он уже знал, что вся администрация готовится к празднованию Дня города, и никакие вопросы, помимо праздничных, никого не волнуют. Он и сам понимал шаткость своих претензий. В его активе были лишь приказ Косицина, беспокойство Кузовкова да собачий лай во дворе браконьера Тарасова – маловато, чтобы бить тревогу. Однако сам он эту тревогу чувствовал, а поэтому отступить не собирался.

Ему все-таки удалось кое-чего добиться. Токалин при нем созвонился с начальником местного УВД и договорился, что тот организует Грачеву встречу с участковым того района, где проживал Тарасов. Без помощи милиции говорить с женой Тарасова было абсолютно бесполезно. Токалин объяснил Грачеву, где тот может найти участкового, и они попрощались, причем Токалин жал ему руку с видимым облегчением, как человек, сбросивший с плеч тяжелый груз.

Грачев, раздосадованный и сердитый, поехал на поиски участкового. Он вполне допускал, что по указанному адресу он ничего не найдет, кроме наглухо запертой двери, но, к его удивлению, участковый оказался на месте. Он сидел в опорном пункте, отмахиваясь от мух, и терпеливо дожидался Грачева – милиция в Боровске была дисциплинированная.

Участковый оказался примерно одного возраста с Грачевым. Симпатичный высокий парень спортивного телосложения, с прямым открытым взглядом, он сразу располагал к себе. Знакомясь с Грачевым, он крепко пожал ему руку и назвался.

– Старший лейтенант Федор Конюхов, – весело блеснув глазами, сказал он. – Ага, как тот знаменитый путешественник. Но в отличие от него никуда из Боровска не выбирался. Только когда в армии служил, а потом в школе милиции. У вас какие-то проблемы?

Грачев объяснил ему, в чем дело. Конюхов понимающе кивнул и решительно натянул на голову фуражку.

– Этого кадра, Тарасова, знаю отлично, – сказал он. – Нигде не работает мужик, живет браконьерством да частным извозом. Собственно, это меня напрямую не касается, но Тарасов – мужик занозистый и частенько конфликтует с соседями. Два раза мы его привлекали к

административной ответственности, но с него как с гуся вода. Вы правильно ко мне пришли – с вами он ни за что разговаривать не станет. Еще, чего доброго, в драку кинется.

Пока добирались до жилища Тарасова, обсудили вопрос о московской экспедиции.

– У нас частенько в газетах пишут про эту Черную Топь, – сказал Конюхов. – Очень популярная тема. Сам я там, по правде говоря, ни разу не был, но считаю, что на девяносто процентов все эти чудеса – бабьи сказки. Сейчас это модно – морочить людям голову. Призраки, летающие тарелки, ворожеи всякие... Лично я за всю жизнь ни одной летающей тарелки не видел. Разве что когда моя половина разойдется – тогда иногда, бывает, летают, – с усмешкой закончил он.

– Однако у вас в городе хватает людей, которые считают Черную Топь необыкновенным местом, – сказал Грачев. – И даже в Москве, как видите, заинтересовались.

– Хотите знать мое мнение? Москвичи за так и пальцем шевелить не станут. Раз заинтересовались, значит, рассчитывают хороший куш сорвать. Каким образом? Это уж вы у них спросите, когда встретитесь. Я деньги делать не умею, а то бы давно виллу себе на Канарах купил, – опять засмеялся Конюхов.

Они остановились возле ворот Тарасова. Участковый одернул мундир, сделал строгое лицо и решительно забарабанил в ворота. Грачев услышал знакомый, на два голоса лай, а потом снова женский голос, одергивающий собак.

Им открыла все та же рано постаревшая женщина с непроницаемым лицом. Пускать во двор она никого не собиралась, но Конюхов совершенно невозмутимо оттеснил ее от ворот и вошел. Грачев быстро проскочил за ним, и тут же навстречу им помчались два свирепых пса с оскаленными клыками. Грачев только успел подумать, что надо было захватить с собой Величко, специалиста по собачьим душам, как старлей, наставив на псов указательный палец, строго сказал хозяйке:

– Собачек-то придержите!

Это нехитрое действие произвело поистине волшебный эффект. Псы вдруг остановились в растерянности, переглянулись и сконфуженно замахали хвостами, отворачиваясь от укоризненного взгляда человека в форме.

– Вы собачьей магией владеете, что ли? – пробормотал Грачев, который, честно говоря, порядком струхнул.

– Тут магия простая, – внушительно сказал участковый. – Представителя власти кусать не положено – такое деяние может расцениваться как правонарушение уголовное, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Тарасова наклонила голову, подошла к псам и, ухватив обоих за загривки, молча оттащила в сторону.

– Супруг дома, гражданка Тарасова? – еще более строгим тоном спросил Конюхов.

– Нету его, – наконец открыла рот хозяйка. – Нету. А куда уехал – не сказал. Не твоего ума дело, говорит. Я и не спрашиваю.

– Это когда же он уехал? – поинтересовался участковый.

– С утра и уехал. А на что он вам?

– С утра, говорите? – повторил Конюхов, пропуская вопрос мимо ушей. – А разве он у вас не в лесу? По моим данным, гражданин Тарасов двадцать восьмого июня отправился с группой московских ученых в Черную Топь. Ведь так было дело?

Женщина заметно занервничала.

– Ничего я не знаю, – сказала она. – У него и спрашивайте.

– Вы тут дурочку не ломайте, – грозно сказал Конюхов. – У меня данные есть, что вы, гражданка Тарасова, самогон гоните и не только для внутреннего употребления. Будете записывать, я враз административные меры применю!

Женщина открыла рот от неожиданности, но ничего в свое оправдание не сказала. Видимо, Конюхов попал в самое яблочко.

– Ну! – еще более грозно сказал участковый. – Или мне досмотр учинить?

Тарасова развела руками.

– Да вы чего от меня хотите-то! – с надрывом воскликнула она. – Тут все одно, что в лоб, что по лбу. Мужики дурят, а бабы всю эту их дурость расхлебывают. Я для удовольствия самогонку эту гоню, что ли? Детей кормить надо! Мне, как другим, воровать негде!

– Короче, – перебил ее старлей. – Прямо отвечайте на поставленный вопрос, гражданка Тарасова!

– Про чего отвечать? Про ученых этих, чтоб они провалились?! Ну уговорили они его, да, ушел он с ними, дурак! Как ушел двадцать восьмого, так до вчерашнего вечера и шлялся. Пришел весь худой, голодный... Спрашиваю, заработал что-нибудь? А он на меня матерками. Проспал до утра, как убитый, в машину сел – и был таков. Предупредил, чтобы всем говорила – уехал, а куда – не знаю, мол. А он и правда не говорил, куда едет, но я так думаю, что он к брату в деревню уехал. Далеко это, за Тамбовом.

– А что он про ученых говорил? – спросил Конюхов. – Они тоже с ним вернулись?

– Да ничего он не говорил! – с чувством сказала женщина. – А мне-то до них и дела нет никакого. Одно спросила – заплатили тебе? А он вот так – кулаком по столу как двинет... Вот теперь уехал, а мне тут одной как крутиться, может, подскажешь?

– Подскажу, – согласно кивнул участковый. – Работать вам обоим надо!

– За полторы тысячи-то? – возмущенно сказала Тарасова. – Спасибочки вам большое за такое предложение! Сами попробуйте семью поднять на такие деньги!

– Странные все-таки времена, – обратился Конюхов к Грачеву. – Не работать у нас теперь выгоднее, чем работать. И вот что хочешь ты с ней делай, а в пользу честного труда ты ее не убедишь ни за какие коврижки.

Он безнадежно махнул рукой и опять строго заговорил с хозяйкой:

– Ладно, гражданка Тарасова, пока что, учитывая добровольную помощь следствию, я закрываю глаза на ваши правонарушения, но это не значит, что я оставляю вас в покое. И к мужу вашему у меня очень серьезный разговор. При случае обязательно ему это передайте.

Вместе с Грачевым они вышли на улицу и остановились метрах в пятнадцати от ворот.

– Чует мое сердце, – сказал Конюхов, – что дело нечисто. Давайте подоьем бабки. Значит, двадцать восьмого Тарасов с группой москвичей уходит в лес. Неделю он отсутствует, а потом возвращается домой ночью, один, молчит, как партизан, а рано утром бесследно исчезает. Москвичи из леса не возвращались – это нам известно точно. И какой напрашивается вывод?

– Вывод напрашивается неприятный, – сказал Грачев.

– Крайне неприятный, – согласился Конюхов. – Трагический напрашивается вывод. С одной стороны, москвичи – народ башлястый, и для Тарасова этот факт мог стать соблазном великим...

– Что ты хочешь сказать? – встревожился Грачев. – Он в одиночку решил ограбить целую группу?

– Почему нет? Тарасов – мужик твердый, к тому же с оружием. Но могло быть и проще. Он вызнал, где москвичи прячут деньги, ночью украл их и сбежал. Так или иначе, но группа, которую он сопровождал, теперь находится в опасности. Времени прошло много – значит, зашли они далеко. Думаю, он довел их до болот и там бросил. Без точного знания местности выбраться оттуда нереально. Мне это знающие люди говорили.

– Вот черт! Что же делать? У нас есть человек, который мнит себя знатоком Черной Топи, но мне кажется, он преувеличивает свои возможности. Хотелось бы найти проводника

получше. Если дело обстоит так, как вы сказали, то все сомнения отпадают – нужно искать Хамлясова.

– Есть одна идея, – сказал Конюхов. – Кто может знать лес лучше человека, который в этом лесу живет? Нужно найти лесника.

– Лесник – это мысль. Но, боюсь, что убедить его нам будет еще труднее, чем городское начальство. Мы здесь чужаки, и люди, которых мы собираемся искать, тоже чужие. Не думаю, что удастся зажечь лесника нашими проблемами.

– Знаете что? – вдруг сказал Конюхов. – Я попробую вам помочь. Сегодня не мое дежурство, меня вызвали специально, чтобы помочь вам. Ну а уж если помогать, так помогать! Доедем до лесника вместе. Человек в форме – это человек в форме. Да и, честно говоря, давно мечтал посмотреть вблизи, что это за Черная Топь такая.

– Неужели хотите рвануть с нами на болота? – удивился Грачев. – А как же личное время? Супруга у вас, как я понял, строгая...

– Супруга – чистый Везувий, – подмигнул Конюхов. – Не поверите, но я на работу хожу с удовольствием. Я там отдыхаю. А потом, мне начальство приказало – оказывать товарищам из МЧС всемерное содействие. Вот и будем оказывать. Надеюсь, пожрать у вас найдется, а то я с утра только стакан чая перехватил.

– С этим проблем не будет. Сухим пайком обеспечим, – улыбнулся Грачев.

Возвращение Грачева в гостиницу было встречено почти с ликованием. Спасатели, если можно так выразиться, уже «застоялись». Величко занимал себя тем, что вычесывал Графа жесткой щеткой, а Мачколян, загнав Макса в угол номера, силой принудил его играть в «дурака». Таким образом он решал две задачи – во-первых, убивал время, а во-вторых, контролировал Макса, который то и дело порывался «пойти прогуляться».

– От твоих прогулок случаются недоразумения, – по-отечески урезонивал его Мачколян. – А Грач очень просил держать тебя под присмотром. И я не пойму, чем тебе не нравится игра в «дурака»? Очень успокаивает. К тому же тебе везет.

Действительно, к тому времени они сыграли уже более шестидесяти партий, и из них пятьдесят две выиграл Макс. Однако с каждым выигрышем он делался все мрачнее, то ли разделяя мнения Ашота о пользе карт, то ли памятуя пословицу о том, что если везет в карты, то не повезет в любви. Ему очень хотелось завалиться в гости к супругам Кузовковым. Предлог найти было нетрудно, адрес он знал, а глаза очаровательной учительницы музыки снились ему всю ночь.

Появление Грачева воодушевило всех. Даже Граф почувствовал, что в его здешней жизни что-то меняется. К Федору Конюхову он отнесся терпимо, но настороженно и не выпускал его из виду ни на секунду.

Грачев познакомил спасателей с участковым и обрисовал сложившуюся ситуацию.

– В итоге мы со старшим лейтенантом пришли к неутешительному выводу, – заключил он. – С группой Хамлясова действительно что-то неладное. Наше вмешательство считаю оправданным. Сейчас мы заедем к Кузовковым – возможно, у них осталось что-нибудь из вещей Хамлясова – они пригодятся, чтобы ориентировать Графа. Пока мы там занимаемся, Макс сходит на переговорный и доложит Косицину, что мы выступаем. Закончишь, подходи к машине. Подниматься к Кузовковым необязательно.

– Это что за дискриминация? – возмутился Макс. – С чего это я должен пахать за курьера? Косицин черт знает что подумает. Нет, я тоже хочу к Кузовковым!

– Скажи уж прямо, чего ты хочешь, – предложил Грачев. – А то старший лейтенант не в курсе.

Макс уничтожающе посмотрел на него, но объяснений давать не стал. Он поднялся, рассыпав карты по полу, и молча направился к двери.

– Скажи Косицину, что, по крайней мере, до завтрашнего вечера связи не будет, – предупредил Грачев. – А подробностей можешь не касаться – они еще нуждаются в проверке.

Наверное, после этого диалога у старшего лейтенанта Конюхова возникли кое-какие вопросы, но он деликатно сделал вид, что ничего особенного не заметил.

Они поехали к Кузовковым. Там тоже царило необычное волнение. Станислав Сергеевич ходил по квартире, как лев в клетке. Его деятельная натура рвалась на волю. По сути дела, он был совершенно готов отправиться на поиски Хамлясова в одиночку, но жена и журналист Гессер призывали его не торопиться и дождаться спасателей.

– Все-таки мы с вами любители, Станислав Сергеевич, – убеждал его Гессер, развалившийся на диване с чашкой кофе в руках. – А товарищи из Желтогорска на таких поисках собаку съели. Да и в компании веселее, согласитесь!

– Я чувствую, что с Хамлясовым что-то случилось, – возражал Кузовков. – Дорога каждая минута. А товарищи из Желтогорска непрестительно осторожничают и подстраховываются.

– Наверное, у них имеются для этого веские причины, – успокаивал его Гессер, с удовольствием прихлебывая из чашки. – Да не волнуйтесь вы так, Станислав Сергеевич! Господин Хамлясов – не школьница, в обиду себя не даст. К тому же с ним восемь человек. Восемь! А от диких зверей у них имеется с собой карабин «Сайга».

– Не диких зверей я опасаясь, – качал головой Кузовков. – Вы сами знаете, какие силы действуют в Черной Топи. Карабин против них бессилён.

– Ну, не сгущайте так краски! – тонко улыбнулся Гессер. – Никто не спорит, аномальные явления в ваших краях присутствуют, но пока у нас нет достоверных данных, что они представляют угрозу для человека.

– А как же исчезновения людей?! А свидетельства очевидцев? По крайней мере, десять человек видели в районе Черной Топи неопознанные летающие объекты, два десятка – непонятное свечение над лесом, множество людей испытывали странные ощущения. Остановившиеся часы, заглохшие моторы... А помните тот рассказ, как на глазах у грибника само собой вспыхнуло сухое дерево?! А шаровые молнии, которые появляются в ясную погоду?

Гессер аккуратно поставил пустую чашку на столик и шутливо поднял вверх руки.

– Сдаюсь, сдаюсь! – воскликнул он. – Вы совсем меня забили, Станислав Сергеевич! Нокаут!.. Но все же я оптимист и придерживаюсь того мнения, что с Хамлясовым случилось только одно – он с головой ушел в свои исследования. Как вы полагаете, Елена Тимофеевна? Или вы солидарны с мужем?

Жена Кузовкова слушала разговор вполуха, думая о чем-то своем, и на вопрос Гессера отреагировала рассеянной улыбкой.

– Мне совершенно непонятен Хамлясов, – призналась она. – Я слишком мало его знаю, чтобы делать выводы, но мне сразу показалось, что он человек непростой.

– Разумеется, он человек сложный! – возмутился Кузовков. – И как он может быть примитивным? Как ты себе это представляешь?

– Ах, я совсем другое имела в виду! – с легкой досадой сказала Елена Тимофеевна. – Я знаю, что ты боготворишь Хамлясова, только...

Объясниться она не успела, потому что пришли спасатели. Грачев довольно скупко обрисовал сложившуюся ситуацию и предложил Кузовкову отправиться вместе с ними в Черную Топь. Станиславу Сергеевичу этого только и надо было. Однако выяснилось, что составить компанию спасателям намерены также Гессер и Елена Тимофеевна. Грачеву эта идея не очень понравилась, но Гессер заверил, что обузой не будет, потому что человек он спортивный, в молодости даже занимался альпинизмом и до сих пор поддерживает форму. В качестве доказательства он также предъявил рюкзак, который привез с собой из Москвы. Рюкзак оказался современным, импортным, чрезвычайно вместительным и удобным. На самом верху в нем

лежала пара великолепных походных башмаков с высокой шнуровкой. Эти башмаки убедили Грачева.

Но зато сам он убедил Елену Тимофеевну остаться дома. Мотивировал он свое предложение тем, что в тылу всегда кто-то должен оставаться. Но Елену Тимофеевну не пришлось уговаривать. Она единственная из всех не горела желанием отправиться в Черную Топь. Грачев был этим вдвойне доволен. «Представляю физиономию Макса, когда он узнает, что именно жена Кузовкова и не идет, – подумал Грачев. – Он будет очень разочарован. Зато для дела польза будет неоценимая».

Собрались за полчаса. Кузовков пообещал жене, что задерживаться не будет.

– А Черную Топь мы все-таки обшарим вдоль и поперек! Но это потом, – мечтательно добавил он. – Сейчас главное – помочь Хамлясову.

Он был очень патетичен, но Грачеву показалось, что Гессер поглядывает на него с каким-то странным выражением лица. Жена, похоже, вообще была равнодушна к судьбе Хамлясова, хотя внешне старалась этого не показывать – все-таки, по идее, они составляли с мужем единое целое. «Надолго ли? – подумалось Грачеву. – В чем-то Макс прав. Семья без детей – вещь до некоторой степени эфемерная. Все равно что дом без фундамента. Особенно для женщины. И летающие тарелки – слишком плохая замена настоящей жизни».

Но Кузовков думал совершенно иначе. В поход он собирался, точно крестоносец в Палестину. Лицо его горело одухотворением и страстью. Если он и заметил равнодушие жены, то испортить настроение оно ему все равно не могло. Станислав Сергеевич был идеалистом чистой воды.

Журналист Гессер собирался деловито и сноровисто, безо всякой экзальтации, как человек, которому не в диковинку никакие летающие тарелки. Но он не забыл ни единой мелочи – переложил из чемодана в рюкзак видеокамеру, фотоаппарат, диктофон, блокнот. Лишь свой роскошный ноутбук он оставил у Кузовковых, решив, что в лесу пользы от него будет мало. Обстоятельность Гессера понравилась Грачеву, чувствовалось, что тот готовился к встрече с Черной Топью давно и серьезно. Его модный рюкзак выглядел набитым под завязку, даже после того как Гессер извлек оттуда дорожную одежду. «Видимо, он изначально планировал выбраться в здешние леса, – решил Грачев. – И все, что он тут говорил про альпинизм, – скорее всего правда. К тому же он человек рассудительный и слегка циничный. С ним проблем быть не должно. Наоборот, возможно, он будет сдерживать романтические порывы Кузовкова».

Из города выехали в полном молчании. Возможно, всех стесняло присутствие незнакомца в милицейской форме, да и журналист Гессер с Кузовковым держались несколько обособленно, как члены закрытого клуба уфологов. Но, может быть, всем просто хотелось поскорее от разговоров перейти к делу.

Макс тоже помалкивал. Он заметно огорчился, поняв, что Елены Тимофеевны с ними не будет, но принял этот удар судьбы хладнокровно. О своем разговоре с Косициным он сообщил только то, что Косицин «дал добро».

Где искать лесника, Конюхов не знал, поэтому сначала заехали в деревню Сосновку, где произвели небольшой переполох, а заодно, к своему удивлению, узнали, что за последние десять дней они уже третья организованная группа, отправляющаяся в Черную Топь. Для удобства сельчане всех называли «учеными».

Насчет первой группы вопросов у Грачева не было, а вот сообщение о второй удивило его и даже вызвало некоторые сомнения, хотя эту информацию Грачев тоже принял к сведению. По слухам, один из деревенских повстречал на дороге своего старого однокашника, ныне горожанина, который вел в лес каких-то чужаков. Однокашник в детстве носил прозвище Тушканчик. С того дня прошла уже неделя, но ни Тушканчика, ни его спутников в деревне никто не видел. Как, собственно, и Хамлясова, которого в деревне хорошо помнили, потому что машина, на которой он приехал, стояла во дворе у семьи Чибиревых. Кстати, эти люди подтвердили, что

Тарасов явился за машиной накануне вечером, один, на вопросы отвечал невнятно и вскоре уехал.

Федору Конюхову очень хотелось задержаться, чтобы допросить местных жителей более подробно, но дело шло к вечеру, и Грачев предложил двигаться дальше. Как доехать до кордона лесника, они уже выяснили, а все остальное его пока мало интересовало.

Грачева больше всего волновало, удастся ли уговорить лесника показать им путь в Черную Топь. На крайний случай, конечно, сгодился бы и Кузовков, но Грачев предпочел бы иметь дело с профессионалом. Однако профессионалы, как правило, – люди с гонором, и этот факт нельзя было игнорировать.

Но, когда они по лесной дороге подъехали к рубленому дому лесника, выяснилось, что уговаривать, собственно, некого. Спасателей встретила худощавая, жилистая женщина в джинсах и мужской рубашке с закатанными по локоть рукавами. Выслушав Грачева, она сожалеюще развела руками и сказала:

– Да ведь Петра Игнатьевича нету! Вчера как с утра в лес ушел, так пока не появлялся. Тут днями он вроде слышал, что в лесу кто-то стреляет. А какая сейчас стрельба – охота запрещена! Вот он и пошел выяснить, кто это ружьем балуется.

– А не опасно в одиночку? – поинтересовался Грачев, которому очень не понравилось такое неожиданное известие.

– Мой Петр Игнатьевич не из боязливых, – со сдержанной гордостью усмехнулась женщина. – Да и не один он – Пиночет с ним.

– Кто с ним? – удивился Грачев.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.